

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 14/1

2016

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-37683

Учредитель –

Южный федеральный университет

Главный редактор –

академик РАО,
д.биол.наук, профессор
Ермаков П. Н.

Журнал издается с 1996 г.,
выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2016 г. ► № 14/1

Выпускающий редактор –
Буняева М. В.

Ответственный секретарь –
Обухова Ю. В.

Компьютерная верстка –
Проненко Е. А.

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г.
(МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К.
(МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.
(ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малофеев Н. Н.
(ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В.
(МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А.
(Московский университет МВД России)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю.
(ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д.
(ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д. пс. наук,
профессор Абакумова И. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Рудакова И. А. (КубГУ, Краснодар)

д. пс. наук, Рюшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Фоменко В. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. филос. наук, Шкуратов В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону).

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.

Тел. (863) 218-40-00 (доб. 11637)

E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 28.03.2016
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Myriad Pro.

Печать цифровая. Усл. печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.

© Северо-Кавказский психологический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	5
Гаврилова А. В. Факторы, определяющие отношения участников межпоколенного педагогического взаимодействия	5
Иванова А. В. Теоретико-психологические аспекты изучения видов воображения	10
Юшко М. А. Разработка механизма оценки информационного контента сайтов антитеррористической направленности	16
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	23
Атаманенко Е. С. Самоотношение в связи с особенностями эмоциональной сферы личности обучающихся и работающих молодых людей.	23
Ким А. Э. Теоретико-психологические аспекты изучения жизненных стратегий личности	29
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	36
Лаврешина А. Ю., Дикая Л. А. Психологические характеристики и психофизиологические корреляты творчества и юмора	36
Яцык Г. Г. К вопросу об изучении окуломоторного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации	43
РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	48
НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS	61
ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ	63

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ МЕЖПОКОЛЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гаврилова А. В.

В статье представлены результаты эмпирического исследования направленности отношений преподавателей, представителей поколений Беби-бумеры и X. Рассматриваются существующие исследования по проблеме межпоколенного педагогического взаимодействия. Отмечается противоречие между констатацией разрыва поколений преподавателей и обучающихся и неопределенными способами взаимодействия преподавателей и обучающихся в новом ключе. В исследовании принимали участие преподаватели двух поколенческих групп: Беби-бумеров (1946–1964 гг. рождения) и X (1965–1983 гг. рождения) по 60 человек в каждой группе. Использовались: методический прием диагностики поколенческой идентичности Н. Л. Ивановой, опросник межличностных отношений А. Рукавишника, методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, методика диагностики коммуникативной установки В. В. Бойко, многофакторный личностный опросник FPI, методика диагностики направленности личности в общении С. Л. Братченко. Для статистической обработки данных использовался факторный анализ методом главных компонент.

Эмпирически выявлено, что у преподавателей поколения Беби-бумеров преобладает интегративный фактор доминирования, сочетающийся с эмоциональной неустойчивостью, авторитарностью, реактивной агрессивностью; во взаимодействии со студентами они стремятся контролировать и руководить, используя для этого широкий арсенал стилей общения – от манипулятивного до диалогического. У преподавателей поколения X также преобладает фактор доминирования, но выделилась группа и с преобладанием фактора «дружелюбие». Делается вывод о том, что в целом преподавателям поколения Беби-бумеров и X скорее присуще доминирование в отношениях, лишь небольшому проценту преподавателей присуще дружелюбие. У этой группы компоненты поколенного педагогического взаимодействия имеют иную структуру: индифферентный и альтероцентрический стили общения со студентами, в отношениях с людьми – склонность к подчинению.

Ключевые слова: межпоколенное взаимодействие, полифигуративная культура, педагогическое взаимодействие, стиль общения, направленность в общении, межличностные отношения, преподаватели, поколение Беби-бумеров, поколение X, студенты.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время проблема межпоколенного педагогического взаимодействия приобретает особую остроту, преподаватели

старших поколений (Беби-бумеры и поколение X) сталкиваются с множеством трудностей во взаимодействии со студентами (поколения Y и Z), связанных с разрывом в ценностях, куль-

туре, способах усвоения информации.

К немногочисленным исследованиям, посвященным изучению межпоколенного педагогического взаимодействия, принадлежат работы: Л. Е. Тарасовой, исследующей межпоколенное взаимодействие как один из факторов социализации и адаптации [14]; труды В. З. Шурбе, посвященные изучению процессных характеристик поколений в межпоколенном педагогическом взаимодействии [17]; Ю. А. Сыченко, изучавшей механизмы рассогласования ценностных ориентаций педагогов и студентов как представителей разных поколений [13]; Н. В. Сивриковой, отмечавшей необходимость различать методы дистанционного обучения представителей различных поколений [11]. Результаты исследований, выполненных в рамках психологии поколений, используются для решения прикладных задач построения процесса обучения и взаимодействия между преподавателями и учащимися (Л. А. Витвицкая [2], Дж. Коатс [5], Д. О. Королева [7], А. Е. Павлова [8], С. Kalb [18], С. Wallis [20]).

В современной России наблюдается разрыв в передаче ценностей, опыта поколений [3, 10], формируется полифигуративный тип культуры [17], наблюдаются симптомы «культурного шока» у представителей старшего поколения при общении с молодежью. Отмечается кризисный характер отношений поколений [12]. Наблюдаются достаточно конфликтные межпоколенные отношения в семье [9, 16]. В образовательном пространстве, где обучение и воспитание можно рассматривать как передачу социокультурного опыта поколений, наблюдается похожая картина. Студенты поколения Y и ожидаемое в ближайшие 2 года поколение Z отличаются по способу нахождения, хранения, обработки информации; они многозадачны, но поверхностны, не умеют сосредотачиваться и глубоко проникать в одну задачу [4, 6, 19]. Для преподавателей представляет большую трудность найти правильную мотивацию для учебы, поддерживать их внимательность на занятиях [1, 19].

Возникает противоречие между констатацией разрыва поколений преподавателей и обучающихся и неопределенными способами взаимодействия преподавателей и обучающихся в новом ключе [15]. На разрешение данного

противоречия направлено исследование, проблемой которого стало выявление и изучение особенностей взаимодействия преподавателей и обучающихся различных поколенческих групп. А именно: выраженность компонентов поколенного педагогического взаимодействия и взаимосвязи между ними могут отличаться у преподавателей в связи с преобладающим видом отношений.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из целей исследования, выборка преподавателей подбиралась специально, критерием для дифференцирования выборки стал год рождения респондентов. В группу преподавателей Беби-бумеров были отнесены респонденты возрастом от 52 до 63 лет (1946–1964 гг. рождения), всего 60 человек. В группу преподавателей поколения X были отнесены респонденты возрастом от 33 до 50 лет (1965–1983 гг. рождения), тоже 60 человек. Однако для исследования наличие только объективного критерия было недостаточным, и для субъективного отнесения себя к тому или иному поколению использовался методический прием диагностики поколенческой идентичности Н. Л. Ивановой. Для изучения компонентов поколенного педагогического взаимодействия применялись: опросник межличностных отношений А. Рукавишникова (русскоязычная версия теста FIRO В. В. Шутца), методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, методика диагностики коммуникативной установки В. В. Бойко, многофакторный личностный опросник FPI, методика диагностики направленности личности в общении С. Л. Братченко. Методы математической и статистической обработки и представления полученных данных – факторный анализ методом главных компонент в программе статистического анализа и обработки SPSS v. 21.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При разделении преподавателей поколения Беби-бумеров на 2 подгруппы по интегративному фактору доминирования или дружелюбия в межличностных отношениях (методика Т. Лири) соотношение преподавателей с доминирующим типом (53 чел.) и дружелюбным типом (7 чел.) оказалось недостаточным для проведения фак-

торного анализа отдельно по подгруппам. Так как у 88% преподавателей поколения Беби-бумеров выявлен интегративный фактор доминирования, было решено проводить факторный анализ методом главных компонент на всей выборке преподавателей поколения Беби-бумеров без деления на подгруппы. Полученные данные были подвергнуты факторизации. Факторная матрица включала 6 факторов.

В целом можно сделать вывод, что преподаватели поколения Беби-бумеров характеризуются эмоциональной неустойчивостью, авторитарностью, реактивной агрессивностью, во взаимодействии со студентами они стремятся контролировать и руководить, используя для этого широкий арсенал стилей общения – от манипулятивного до диалогического. Эти данные согласуются со статусно-ролевой позицией преподавателя вуза, с большим опытом работы и уровнем признания, который в ситуации лекции или семинарского занятия может изменять свой стиль общения, однако авторитарность и руководство будут доминировать во взаимодействии со студентами.

Субъективная идентификация с советским поколением вошла во 2 фактор контроля и руководства. При этом преподаватели стремятся к контактам, участию в жизни окружающих – и ждут от них такого же участия, испытывают потребность в принадлежности к группе. Во взаимодействии со студентами преподаватели Беби-бумеры используют различные стили межличностного общения: агрессивный, диалогический, альтероцентрический, конформный. Субъективная идентификация с переходным и постсоветским поколением вошла в 3 фактор – альтруистичности. Преподаватели с данной идентификацией уравновешены, общительны, дружелюбны. У них преобладают эгоистичный и подчиненный типы отношений к людям. Данная группа преподавателей более гибкая, их ценности претерпевали значительные изменения, о чем свидетельствует субъективная идентификация с переходным и постсоветским поколением, субъективно они «ближе» к студентам, относятся к ним дружелюбнее, преобладание эгоистического типа отношений также сближает их с поколением X.

При разбиении преподавателей поколения X на 2 подгруппы по интегративному фактору

доминирования или дружелюбия в межличностных отношениях (методика Т. Лири), соотношение преподавателей с доминирующим типом – 44 чел., что составляет 73% выборки, и дружелюбным типом – 16 чел., что составляет 22% выборки. Сначала были подвергнуты факторизации данные преподавателей с интегративным фактором «дружелюбие», всего 16 чел. Была получена факторная матрица, которая включала 7 факторов.

В целом можно сделать вывод, что преподаватели поколения X с интегративным фактором «дружелюбие» выбирают скорее подчиненный или индифферентный типы отношения к людям, они общительны, открыты, эмоционально лабильны, стремятся к близким отношениям с окружающими и ждут от них того же, готовы делиться своими чувствами, создавать глубокие эмоциональные отношения. В общении со студентами предпочитают диалог, а не манипуляции, не склонны к конформизму, однако при этом у них выявлена выраженная негативная коммуникативная установка, проявляющаяся во взаимодействии со студентами. Статусно-ролевая позиция во взаимодействии со студентами скорее «на равных».

Далее были подвергнуты факторизации данные преподавателей с интегративным фактором «доминирование», всего 44 чел. Факторная матрица включала 10 факторов.

Преподаватели поколения X с интегративным фактором «доминирование» чаще идентифицируют себя с советским поколением, выбирают авторитарный стиль общения со студентами, они общительны, стремятся быть в близких отношениях с другими и проявлять к ним свои теплые и дружеские чувства, но при этом оказываются эмоционально неустойчивы, недружелюбны, имеют негативные коммуникативные установки. Для них характерны такие эмоциональные реакции, как эмоциональная лабильность, проявляющаяся в раздражительности, депрессивности, невротичности, неуравновешенности; преподаватели этой группы предпочитают авторитарный стиль общения со студентами, могут проявлять спонтанную агрессию.

Сравнительный анализ полученных факторов у преподавателей с интегративными факторами «дружелюбие» и «доминирование» представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Факторы поколенного педагогического взаимодействия у преподавателей поколения Беби-бумеров и X с интегративными факторами «дружелюбие» и «доминирование»

<i>№ фактора</i>	<i>Преподаватели поколения X с интегративным фактором «дружелюбие»</i>	<i>Преподаватели поколения X с интегративным фактором «доминирование»</i>	<i>Преподаватели поколения Беби-бумеры</i>
Фактор 1	Подчиненный тип отношений к людям	Эмоциональная лабильность	Эмоциональная лабильность
Фактор 2	Индифферентный стиль общения с партнером	Авторитарный стиль общения с партнерами	Контроль и руководство
Фактор 3	Открытость	Идентификация с советским поколением	Альтруистичность
Фактор 4	Индекс противоречивости межличностного поведения в области «аффекта»	Недружелюбие	Авторитарность
Фактор 5	Альтероцентрический стиль общения с партнерами	Общительность	Манипулятивность
Фактор 6	Реактивная агрессивность	Негативная коммуникативная установка	Реактивная агрессивность
Фактор 7		Индекс объема интеракций в области «аффекта»	
Фактор 9		Реактивная агрессивность	

ВЫВОДЫ

Таким образом, в отношении преподавателей поколения X подтверждается гипотеза о том, что выраженность компонентов поколенного педагогического взаимодействия и взаимосвязи между ними могут отличаться в связи с преобладающим видом отношений.

Заметны стали общие факторы у преподавателей Беби-бумеров и X с интегративным фактором «доминирование»: эмоциональная лабильность, авторитарность, реактивная агрессивность. Фактор реактивной агрессивности присутствует у всех групп преподавателей и может свидетельствовать о настроенности, готовности агрессивно реагировать в ситуациях мнимой или реальной угрозы авторитету, статусу, когда подвергаются сомнению авторитет, знания и умения преподавателя.

Таким образом, преподавателям поколения Беби-бумеров и X скорее присуще доминирование в отношениях, лишь небольшому проценту преподавателей присуще дружелюбие. У этой группы компоненты поколенного педагогического взаимодействия имеют иную структуру: индифферентный и альтероцентрический стиль

общения со студентами, в отношениях с людьми – склонность к подчинению.

Однако переход вузов на новые стандарты, внедрение модульного обучения и проектной деятельности бросают вызов сложившимся отношениям между преподавателем и студентами, характер взаимодействия между ними меняется и все более походит на партнерский. И здесь, на первый взгляд, выигрывают преподаватели поколения X, но у более старшего поколения преподавателей также есть ресурс для изменения отношения к студентам – это их стремление к контактам, потребность в принадлежности к группе, транслирование групповых ценностей и умение работать в команде и на общее дело; это как раз то, чего не хватает более индивидуалистичным и ориентированным на личные достижения преподавателям поколения X.

В общем, можно сделать вывод: гипотеза о том, что выраженность компонентов поколенного педагогического взаимодействия и взаимосвязи между ними могут отличаться у преподавателей разных поколений в связи с преобладающим видом отношений, подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Королева Н. Н. Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2015. – Т. 7. – № 1. – URL: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.phtml
2. Витвицкая Л. А. Развитие взаимодействия субъектов образовательного процесса университета: монография. – М.: Дом педагогики, Изд-во ИПК ГОУ ОГУ, 2009.
3. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 42–47.
4. Исаева Е. Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, учебная мотивация и трудности в процессе обучения первого курса // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 4 (15). – URL: <http://medpsy.ru>
5. Коатс Д. Поколения и стили обучения / Пер. с англ. Л. Е. Колбачева. – М.: МАПДО; Новочеркасск: НОК, 2011. – 121 с.
6. Кондрашкин А. В. Мотивационно-потребностная сфера подростков, находящихся в различных социальных ситуациях развития: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2013.
7. Королева Д. О. Использование социальных сетей в образовании и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 28–37.
8. Павлова Е. А. Особенности применения дистанционного обучения с учетом теории поколений // Вестник МПГУ. Серия «Информатика и информатизация образования». – 2012. – № 1 (23). – С. 64–68.
9. Сапоровская М. В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 1 (9). – URL: <http://psystudy.ru.0421000116/0004>
10. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 271 с.
11. Сиврикова Н. В. Взаимосвязь социальной идентификации и ментальности поколений // Культура и образование. – 2014. – № 12. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2717>
12. Скок Н. И. Биосоциальная проблематика межпоколенного взаимодействия // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 3. – С. 82–84.
13. Сыченко Ю. А. Социокультурная детерминация межпоколенного рассогласования ценностных ориентаций субъектов педагогического взаимодействия // Актуальные проблемы психологического знания. – 2012. – № 3. – С. 107–119.
14. Тарасова Л. Е. Межпоколенное взаимодействие как один из факторов социализации и адаптации // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 22–25.
15. Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 1. – С. 23.
16. Шаблыко Е. Ю. Межпоколенное взаимодействие в современной российской семье: диалектика традиционности и инновационности // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2010. – № 4 (20). – С. 132–137.
17. Шурбе В. З. Социокультурные детерминанты межпоколенного взаимодействия // Известия ВолгГТУ. – 2012. – Т. 3. – Вып. 10. – С. 53–58.
18. Kalb C. Generation 9/11 // Newsweek [Official website]. – URL: <http://europe.newsweek.com/911s-children-grow-79477?rm=eu>
19. Schmidt L., Hawkins P. Children of the tech revolution // Sydney Morning Herald. Life & Style [Official website]. – 2008. – pp. 1–4. – URL: <http://www.smh.com.au/news/parenting/children-of-the-tech-revolution/2008/07/15/1215887601694.html>
20. Wallis C. Gen M: The Multitasking Generation // Time Magazine. – 2006.

ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВ ВООБРАЖЕНИЯ

Иванова А. В.

В настоящей статье были систематизированы психологические исследования видов воображения. Актуальность исследования аспектов изучения воображения обусловлена, с одной стороны, его высокой ценностью в жизни каждого человека, с другой - его недостаточной изученностью в современной психологии. Предметом нашего исследования выступили научно-психологические представления о воображении. По критерию трактовок и функций воображения были установлены и обозначены следующие психологические аспекты изучения видов воображения: когнитивно-процессуальный, побудительно-мотивационный, воображение как фактор развития личности, воображение как профессионально важный фактор, дифференциально-психологический аспект, событийно-ситуационный аспект. Показано, что в каждом из аспектов изучения воображения его ведущие трактовки сходны в подчеркивании исследователями результативности этого процесса – создания нового; в качестве традиционно исследуемого выступает произвольное воображение. Воображение – многофункциональный процесс, участвующий в познании, обеспечении продуктивности созидательной и профессиональной деятельности, прогнозировании, планировании будущего, мотивировании личности, адаптации, саморазвитии личности, создании и поддержании Я-концепции, реализации психологических защит личности.

Анализ трактовок и функций воображения позволил выделить основные противоречия: между отнесением его к высшим психическим функциям и исследованием его роли в совладающем поведении; между акцентированием внимания на его роли в развитии и самосовершенствовании личности и преимущественном его изучении у детей и подростков; между утверждением значимости каждого из видов воображения и преимущественным изучением только произвольного его вида; между констатацией обусловленности воображения личностными особенностями субъектов и ограниченностью круга эмпирических исследований, специально посвященных характеристикам воображения в зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности.

Ключевые слова: *воображение, виды воображения, функции воображения, аспекты изучения, когнитивно-процессуальный аспект, побудительно-мотивационный аспект, фактор развития, психотерапевтический аспект, дифференциально-психологический аспект, событийно-ситуационный аспект.*

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире высоко ценятся обществом способность к обучению и саморазвитию,

адаптивность, креативность, умение творить, ясно представлять себе конечный продукт труда, и все это связано с таким многофунк-

циональным психическим процессом, как воображение. Результаты имажинитивной деятельности людей играют неопределимую роль для общества, нуждающегося в творческих и активных людях, обладающих способностью эффективно и нестандартно решать новые жизненные проблемы, действовать и планировать в неопределенных условиях. Современная теоретическая психология заинтересована в раскрытии закономерностей процесса воображения как высшей психической функции, которая обеспечивает перспективную деятельность, саморазвитие, обучение. Исследуя механизмы функционирования воображения, психологи могут использовать его в психотерапии, в психологической диагностике и коррекции.

В философии воображение изучается в рамках методологии, религии, антропологии, культуры, в онтологии и теории познания, в эстетике. В философском словаре воображение определяется как «психическая деятельность, состоящая в создании представлений и мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности. Воображение основано на оперировании конкретными чувственными образами или наглядными моделями действительности, но при этом имеет черты опосредованного, обобщенного познания, объединяющего его с мышлением» [28, с. 91].

Современные педагогические исследования нацелены на изучение происхождения воображения у дошкольников и школьников, выработку основных принципов, условий и средств развития воображения, на исследование роли воображения в психическом развитии ребенка, в игровой деятельности, на создание инструментов педагогической диагностики воображения у детей [15].

АКТУАЛЬНОСТЬ

Высокая ценность воображения в жизни каждого человека не вызывает сомнений, однако приходится констатировать, что в современной психологии оно изучено недостаточно, а полученные данные нуждаются в систематизации. Основным предметом современных исследований становится воображение детей дошкольного и школьного возрастов и студентов тех специализаций (архитектурной, педагогической,

инженерной и др.), воображение которых становится профессионально важным качеством. Воображение молодых людей в целом изучено недостаточно. Во-первых, даже на том временном отрезке, который традиционно относят к молодому возрасту, внимание исследователей сосредоточено на воображении субъектов, возраст которых позволяет отнести их только к начальным этапам указанного возрастного интервала. Во-вторых, если учитывать роль воображения в каждом виде деятельности и учитывать традицию исследовать его в специфических видах деятельности (архитектурной, инженерной, музыкальной и др.), неизбежен вывод о возникновении представлений о том, что иные виды деятельности не нуждаются в творчестве и не обслуживаются воображением. В-третьих, если учитывать терапевтические функции воображения, которые развертываются в ситуациях фрустрации потребностей (в частности в самореализации, принадлежности и др.), учитывать, что молодые люди – наименее защищенная социальная группа и наиболее подвержены фрустрациям, то приходится констатировать, что психолог не может оказать полноценную психологическую помощь, не имея данных по закономерностям воображения дальше подросткового возраста. В-четвертых, вероятно, что пол субъектов может оказывать влияние на разную выраженность их воображения в разных ситуациях; это, в свою очередь, порождает запрос на получение информации о закономерностях влияния на воображение субъектов не только их возраста, но и пола. В связи с этим становятся актуальными систематизация и обобщение психологических исследований видов воображения.

Предметом нашего исследования выступили научно-психологические представления о воображении. **Цель** исследования: установить психологические аспекты изучения видов воображения.

В настоящей статье по критерию трактовки и функций, на которые акцентируют внимание исследователи, обозначены и анализируются следующие аспекты изучения воображения: когнитивно-процессуальный, побудительно-мотивационный, воображение как фактор развития личности, воображение как профессионально важный фактор, дифференциально-психологический аспект, событийно-ситуационный аспект.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В когнитивно-процессуальном аспекте (Л. С. Выготский, У. Найссер, О. И. Никифорова, А. В. Петровский, В. В. Петухов и др.) исследователи рассматривают воображение как высшую психическую функцию, высший познавательный процесс, необходимый элемент творческой деятельности человека. В данном аспекте процесс воображения рассматривается наряду с мышлением и памятью. Сходство процессов воображения и мышления состоит в условиях их возникновения (неопределенная ситуация), в установленных пиках их развития (преимущественно связанных с развитием речи), а различия – в степени неопределенности ситуации, в которой они возникают, и в результативности (конечный продукт работы воображения – представление, а конечный продукт работы мышления – понятие) [7, 18, 23]. Основой процесса памяти является систематизация прошлого опыта, в то время как основой воображения – систематизация будущего [7, 22].

На современном этапе изучения воображения его относят к универсальным сквозным психическим процессам, оно выступает необходимым условием познания и включено в когнитивные, эмоциональные и регуляционно-волевые процессы [4].

Л. С. Выготский считал воображение процессом создания нового, даже если продуктом будет только мысленный или чувственный образ. Главная функция воображения – преобразование, которое обычно связывается с предвосхищением, прогнозированием будущего результата планируемого и выполняемого действия [5, 18, 22, 23, 25].

Воображение позволяет познавать мир, других людей, не вступая с ними в непосредственные отношения, и себя. Познавательная функция воображения, направленная на окружающий мир, обеспечивает обучение, усвоение социального опыта, создание новых продуктов творчества, предвосхищение результатов деятельности, прогнозирование ситуации, особенно когда она характеризуется неопределенностью [5, 6, 21, 23]; воображение образами обеспечивает план сбора информации из потенциально доступного окружения [20, 22]. Познавательные функции, направленные на познание других людей, конкретизируют

ся в замещении или переносе свойств одних объектов познания на другие, что помогает субъекту в воображаемой ситуации сопоставлять свое и чужое поведение, понимать другого человека и развивать коммуникативные способности [5, 8, 26]. Воображение участвует в процессах самопознания: образы фантазии дают внутренний язык для нашего чувства, а потому активно проявляются в кризисные этапы развития личности, формируют у субъекта осмысленную ориентацию в собственных переживаниях, усложняют и углубляют его внутренний мир [5, 6, 8]. Л. С. Выготский, Т. Рибо считают детский и подростковый возраст временем наиболее полного раскрытия сил воображения, которое у взрослых остается только как профессионально важное качество [5, 25]. В рамках данного аспекта авторы концентрируются на описании познавательной функции, прежде всего, произвольного (творческого и репродуктивного) вида воображения.

В побудительно-мотивационном аспекте изучения воображения (А. Адлер, Л. Ф. Божович, В. В. Давыдов, Б. И. Додонов, Е. П. Ильин, В. И. Моросанова, Г. Олпорт) преимущественно описывается побудительная функция мечты. В современной психологии мечта рассматривается как особая форма воображения, направленная на желаемое будущее, и она характеризуется футуристичностью, отсроченностью результатов, относительно совпадающих с образом желаемого, эмоциональной окрашенностью, осознанностью, личностной устойчивостью. Некоторые исследователи относят мечту к мотивационным установкам [14]. Мечта подростков и юношей является необходимым элементом душевной жизни развивающейся личности, мечта позволяет моделировать свое будущее и себя в нем [2, 8]; она усиливает, интенсифицирует стремление к цели, не давая уклониться от нее [12]. Побудительная функция воображения описывается авторами преимущественно на примере произвольного воображения и мечты и изучается в большинстве случаев на материале воображения студентов, однако подчеркивается, что эта функция значима на протяжении всей жизни человека [2, 12, 14, 17].

В аспекте, в котором **воображение** рассматривается **как фактор развития лич-**

ности (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, К. Изард, В. И. Моросанова, А. А. Налчаджян, А. В. Петровский, Н. Т. Рожков), исследователи концентрируются на роли воображения в самосовершенствовании и самовоспитании личности. Это изучение касается, прежде всего, связи воображения и самосознания, а последнее исследуется через отдельные измерения Я-концепции (идеальное Я, невротическое идеализированное Я, будущее Я) [6, 8, 19, 21, 23, 26, 29]. Воображение участвует в создании образа Я и обеспечивает его постоянство в настоящем, прошлом и будущем, дает возможность субъекту сравнивать себя «вчерашнего» и «будущего», воображение обеспечивает создание образа идеального Я. Если воображение обслуживает создание идеального образа себя у невротика, то продуктом становится устойчивое идеализированное Я. Согласно авторам, в создании образа Я участвует произвольное воображение. Наибольший подъем у «развивающей функции» воображения отмечается в юношеском и молодом возрастах [5, 8, 12], когда так важно самоопределиться и реализоваться.

В аспекте изучения **воображения как профессионально важного фактора** своеобразной имажинитивной способности личности авторами подчеркивается значимость функций воображения в специфических профессиональных областях деятельности (актерская, педагогическая, писательская, художественная, инженерная и др.) [6, 10, 11]. Еще Л. С. Выготский обратил внимание на особую роль творческого воображения в писательстве, где так тесно сплетены красочные образы и эмоциональные переживания, а особый механизм воображения – «вчувствование» и создание воображаемой установки – позволяют актерам проживать свою роль и развивать мастерство. В то же время в ряде профессий (разметчика, закройщика, диспетчера и др.), в которых конечный результат труда заранее строго определен, высоко ценится выраженность воссоздающего воображения субъекта [11]. Воображение как профессионально важное качество изучается в большей степени как качество субъекта деятельности с целью дальнейшего развития его имажинитивных способностей.

В рамках **психотерапевтического аспекта** (Л. С. Выготский, Б. Г. Додонов, А. А. Налчаджян,

А. В. Петровский, Я. Рейковский, Н. Т. Рожков, В. Я. Семке, З. Фрейд) изучения воображения описываются главным образом такие его функции, как защитная и психологического утешения. Базовая психоаналитическая концепция гласит, что именно неудовлетворенные желания – это побудительные стимулы фантазии, поэтического творчества и сновидений [6, 17]. В современных исследованиях, посвященных социальной адаптации личности [21], стратегиям совладания с фрустрацией, стрессом [24], авторами рассматривается роль воображения в символическом удовлетворении потребностей, разрядке эмоционального напряжения образами фантазий, увеличении количества приятных переживаний во время мечтаний и др. Однако фантазирование может стать заменой деятельности и мечтательным уходом от реальности. Воображение используется личностью для защиты своего самосознания (Я-концепции) и своего актуального Я, и для подготовки к будущему [21, 23]. Психотерапия изучает продукты труда воображения субъекта в диагностических целях, что позволяет исследовать содержание личности, ее потребности и мотивы. Используемые психотерапией, в частности арт-терапией, техники актуализации процесса воображения направлены на создание образов желаемых состояний, формирование самоконтроля, регуляцию и саморегуляцию психических состояний [1, 13, 17]. В данном аспекте авторами исследуются как произвольные, так и произвольные виды воображения.

В **дифференциально-психологическом аспекте** авторы акцентируют внимание на различиях в выраженности видов воображения в зависимости от особенностей личности (ее личностных свойств, возраста, пола и др.). В психологической литературе описаны специфические типы личности, с присущим им выраженным воображением: истерическая личность, пассивная, интровертированная личность, тип мечтателя, эйдетически одаренные люди, внушаемые люди [17, 21, 23, 27]. Индивидуальные особенности воображения выражаются в различиях по степени его развития и по типу его образов. Степень развития воображения устанавливается по яркости воображаемых образов, глубине переработки данных прошлого опыта, возможной новизне образов, качественному

осмыслению продуктов воображения [18]. В рамках данного аспекта изучалось влияние индивидуально-типологических особенностей личности на субъективные характеристики ее сновидений. Результаты свидетельствуют о том, что сновидения студентов с высоким уровнем личностной тревожности, нейротизма и экстравертированности характеризуются большей образностью, информативностью, эмоциональностью по сравнению со сновидениями низкотревожных, эмоционально стабильных и интровертированных студентов [16]. Патологическую склонность к вымыслам и лжи с детского возраста психиатры обычно рассматривают как проявление частичного инфантилизма. Таким личностям не хватает устойчивости, зрелости воли и суждений, им чуждо чувство ответственности и долга. Параллельно с созреванием личности эти психопатические проявления постепенно стихают. Наибольшее выражение процессы воображения обнаруживают в детском и подростковом возрастах, а затем исследователи отмечают его упадок. В современной психологии очевиден дефицит исследований воображения социально-адаптированных молодых и взрослых людей, недостаточно изучены различия в особенностях воображения, обусловленные полом, видом профессиональной деятельности, свойствами личности и др.

В рамках **событийно-ситуационного аспекта** исследователи сосредоточены на выделении и систематизации событий и ситуаций, в которых воображение актуализируется либо максимально интенсифицируется. К таким ситуациям относятся: неопределенная проблемная ситуация, жизненная ситуация, критическая ситуация. Неопределенная проблемная ситуация является условием актуализации процесса воображения. Актуальная жизненная ситуация определяется исследователями как единство объективных условий и воспринимающего их субъекта. К ее характерным особенностям относят зависимость ее возникновения от жизненных событий, наличие и необходимость разрешения противоречий между требованиями объективных условий и интересами субъекта, влияние способов и путей разрешения ситуации на дальнейший жизненный путь человека [9]. Особый интерес представляет ситуация фрустрации, которая характеризуется как одна

из критических жизненных ситуаций [3] и переживание которой не обходится без вовлечения процесса воображения.

Обобщение различных трактовок и связанных с ними функций воображения приводит к выводу о многофункциональности воображения, участвующего в познании, обеспечении продуктивности созидательной и профессиональной деятельности, прогнозировании, планировании будущего, мотивировании личности, адаптации, саморазвитии личности, создании и поддержании Я-концепции, реализации психологических защит личности. В научно-психологических исследованиях воображения преимущественно изучается произвольный (творческое и воссоздающее) его вид. Многие авторы отмечают, что наилучшими условиями проявления воображения являются детский и юношеский возрасты, по мере взросления его функционирование ослабляется, за исключением случаев, когда имагинитивные свойства обеспечивают выполнение профессиональной деятельности. С этих позиций для исследователей теряется смысл постановки задач изучения воображения у взрослых людей, что отражается в преимущественном изучении особенностей воображения у дошкольников, школьников, студентов и сужает исследовательское поле для изучения воображения.

Можно обозначить некоторые наметившиеся в изучении воображения противоречия: между отнесением воображения к высшим психическим функциям, познавательным процессам и преимущественным акцентированием роли воображения только в совладающем поведении; между концентрированием внимания исследователей на роли воображения в развитии и самосовершенствовании личности и преимущественным изучением воображения у детей и подростков; между декларируемой необходимостью изучать различные проявления воображения и концентрацией внимания исследователей на произвольном виде воображения; между констатацией связи воображения и особенностей ценностей и потребностей личности и ограниченностью исследований, специально посвященных характеристикам воображения в зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности.

ВЫВОДЫ

Систематизированы и обозначены следующие научно-психологические аспекты изучения воображения: когнитивно-процессуальный; побудительно-мотивационный; воображение как фактор развития личности; воображение как профессионально важный фактор, дифференциально-психологический, событийно-ситуационный. Раскрыты трактовки и преимущественно изучаемые в каждом из аспектов функции воображения. Обозначены противоречия, сложившиеся в современной психологии воображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессонова Н. М.* Формирование воображением образов желаемых состояний в ситуациях неопределенности // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 7. – С. 302–309.
2. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д. И. Фельдштейна. – М.; Воронеж: Изд-во Ин-та практической психологии, 1995. – 352 с.
3. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
4. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 364 с.
5. *Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1991. – 95 с.
6. *Выготский Л. С.* Психология искусства. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 480 с.
7. *Выготский Л. С.* Психология развития человека. – М.: Смысл, Эксмо, 2005. – 1136 с.
8. *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
9. *Джанерьян С. Т.* Потеря работы: жизненное событие и ситуация // Психологический вестник. – 1996. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 272–282.
10. *Джанерьян С. Т., Солдатова И. А.* Психологическая готовность студентов-выпускников ЮФУ к предпринимательской деятельности // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 2 (21). – С. 12–17.
11. *Дмитриева М. А., Крылов А. А., Нафтульев А. И.* Психология труда и инженерная психология. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1979. – 220 с.
12. *Додонов Б. И.* Эмоция как ценность. – М.: Педагогика, 1978. – 272 с.
13. *Изард К. Э.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2009. – 464 с.
14. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2013. – 508 с.
15. *Качалова А. А.* Развитие художественного воображения детей: педагогический аспект: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Шадринск, 2010. – 23 с.
16. *Красноперов О. В., Панченко А. Л.* Субъективные характеристики сна и свойства личности // Вопросы психологии. – 1991. – № 6. – С. 139–141.
17. *Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ. – СПб.: Речь, 2002. – 542 с.
18. *Маклаков А. Г.* Общая психология. – СПб.: Питер, 2008. – 580 с.
19. *Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2007. – 214 с.
20. *Найссер У.* Познание и реальность. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 398 с.
21. *Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
22. *Никифорова О. И.* К вопросу о воображении // Вопросы психологии. – 1972. – № 2. – С. 67–77.
23. *Петровский А. В.* Введение в психологию. – М.: Академия, 1996. – 496 с.
24. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
25. *Рибо Т.* Творческое воображение. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1901. – 318 с.
26. *Рожков Н. Т.* Психоаналитическая педагогика: теория и технологии: монография. – Орел: Изд-во МАБИБ, 2013. – 266 с.
27. *Семке В. Я.* Истериические состояния. – М.: Медицина, 1988. – 224 с.
28. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
29. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. – М.: Академический Проект, 2007. – 218 с.
30. *Dzhaneryan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V.* Frustration features of city students // The Social Sciences. – 2015. – no. 10 (6). – pp. 1443–1448.

РАЗРАБОТКА МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА САЙТОВ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Юшко М. А.

В статье проводится анализ различных видов информационного контента средств массовой информации (СМИ). Рассматриваются предпочтения молодежи в выборе источников СМИ, которыми они пользуются для получения информации о социально-политических процессах, происходящих в мире. Для определения этих предпочтений были исследованы студенты ЮФО и СКФО. Исследование было проведено в 2015 г. в виде анкетирования молодежи в возрасте с 14 до 25 лет на Интернет-сервисе Google-Docs. В анкетировании приняли участие более 1500 учащихся старших классов, организаций среднего и высшего профессионального образования Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Также в исследовании принимали участие как отдельные учащиеся из других субъектов Российской Федерации, так и люди старше 25 лет. Участникам анкетирования было предложено ответить на ряд вопросов, которые касались информационного контента различных СМИ. Обработка анкеты проводилась с использованием программы SPSS.

На основании анализа анкеты было выявлено наиболее популярные источники СМИ в среде молодежи нашего региона. Эта информация была использована для оценки социально-политической ситуации в России и мире, а также в выявлении наиболее влиятельных средств массовой информации, которыми в настоящий момент в равной мере являются телевидение и сеть Интернет.

На основе данных проведенного исследования автор предлагает алгоритм оценки информационной насыщенности сайтов антитеррористической направленности с применением метода контент-анализа и экспертной оценки.

Ключевые слова: контент, контент-анализ, сайт, источник информации, вид контента, антитеррористическая направленность, эксперт, экспертная оценка, категория анализа, единица анализа.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном обществе человек получает информацию из разных источников (печатные СМИ и публикации, телевизионные СМИ, сеть Интернет). В последнее время влияние интернет-источников на население продолжает расти. Поэтому в сети Интернет наблюдается рост различных видов интернет-контента, что вынуждает исследователей искать эффективные способы оценки данного содержания и способов его представления.

В современном мире наблюдается увеличение актов насилия (террористические атаки в метро, аэропортах, людных местах). Все эти события заставляют общество обращать особое внимание на информационный контент современных СМИ, т. к. именно он может определять мировоззрение современного человека, особенно молодежи.

Для определения предпочтений молодежи ЮФО и СКФО в выборе источников СМИ, которыми они пользуются чаще всего, в 2015 г. нами было проведено анкетирование молодежи в воз-

расте с 14 до 25 лет на интернет-сервисе Google-Docs. В анкетировании приняли участие более 1500 учащихся старших классов, организаций среднего и высшего профессионального образования Ростовской и Волгоградской областей, а также Краснодарского и Ставропольского краев. Участникам анкетирования было предложено ответить на ряд вопросов, которые касались информационного контента различных СМИ. Обработка анкеты проводилась с использованием программы SPSS.

На основании анализа анкеты было выявлено, что основными источниками СМИ, которыми активно пользуется молодежь нашего региона для оценки социально-политической ситуации в России и мире, являются в равной мере телевидение и сеть Интернет (таблица 1). Поэтому необходимо с особой тщательностью подходить к отбору содержания данных СМИ для воспитания гражданской позиции у молодого поколения, усиления толерантности в современном обществе.

Таблица 1.

Оценка источников получения информации о социально-политических процессах, происходящих в мире

		<i>Газеты</i>	<i>Журналы</i>	<i>Радио</i>	<i>Телевидение</i>	<i>Интернет</i>
По возрасту						
13–16 лет	Среднее	1,88	1,73	2,12	4,09	3,87
17–21 лет	Среднее	2,01	1,72	2,36	3,98	4,09
22–35 лет	Среднее	2,43	2,07	2,63	3,95	3,98
старше 35 лет	Среднее	1,67	1,67	1,50	3,33	3,33
По полу						
женский	Среднее	2,03	1,71	2,33	4,27	4,09
мужской	Среднее	1,98	1,81	2,27	3,73	3,91
Итого	Среднее	2,01	1,76	2,29	4,01	4,00
	Стд. отклонение	1,51	1,41	1,63	1,47	1,51

Оценка каждого из видов СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение и сеть Интернет) проводилась участниками анкетирования по пятибалльной шкале (от 5 – «источник наиболее значим» до 1 – «источник наименее значим»). Мнение респондентов относительно источников получения информации о социально-политических процессах, происходящих в мире, достаточно единодушно, о чем свидетельствуют низкие значения стандартного отклонения.

Особое место в интернет-контенте занимают сайты антитеррористической направленности, которые освещают проблемы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность, ведущие борьбу с данными явлениями. Подбор информационного контента

для таких сайтов – очень непростая задача. Необходимо привлечь молодое поколение на данный сайт, представить материал таким образом, чтобы молодежи было интересно его воспринимать и анализировать.

Поэтому возникает необходимость исследования насыщенности информационного контента интернет-сайтов антитеррористической направленности. Выбор для анализа в нашей статье именно данного информационного контента обусловлен тем, что сеть Интернет для молодежи – более востребованный и легкодоступный источник информации. В отличие от телевидения, где существует жесткая сетка вещания, Интернет как источник информации доступен для личности в любое удобное для нее время.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Контент – любой вид информации (текст, аудио, видео, изображение), составляющий содержание инфопродукта. То есть, контент – это начинка информационного продукта, которая определяет его качество и авторитет [13]. Контент не является однородным потоком информации и подразделяется на несколько форм и видов. Информационный контент можно классифицировать на 3 группы, отличающиеся существенными признаками:

- по степени уникальности выделяют два вида информационного контента: уникальный и неуникальный;
- по форме подачи информации выделяют четыре вида контента: текст, видеоконтент, аудиоконтент, изображение;
- по степени доступности выделяют два вида контента: платный и бесплатный.

Рассмотрим виды информационного контента более подробно.

Уникальный контент представляет собой контент, который не проходил индексирования в поисковых системах и не публиковался на открытых интернет-ресурсах. Уникальный контент является таковым до тех пор, пока он не получил широкого распространения в информационной сети. Неуникальный контент включает в себя информацию, которая индексируется поисковыми системами и наличествует в их базе данных. Неуникальный контент имеет широкое распространение в сети Интернет, вследствие чего имеет низкую ценность [1, 17].

Текст как информационный контент включает в себя статьи, книги, журналы, руководства, инструкции и мн. др. То есть, к данному виду контента относят источники, которые имеют в своей основе текстовую информацию.

Аудиоконтент включает в себя музыку, звуковые записи лекций, встреч, вебинары, интервью и др. информацию на основе аудиозаписей.

Видеоконтент включает в себя видеоролики, фильмы, видеоуроки. В эту группу входит весь тот огромный массив информации на основе видеоряда с аудиосопровождением.

Изображение включает картинки, анимацию, фотографии, схемы, скриншоты, слайды. Отличительная особенность данной группы информационного контента (по отношению

к видеоконтенту) состоит в статичности подаваемого материала.

Платным считается тот контент, за получение доступа к которому необходимо перевести определенную денежную сумму на счет держателя контента.

Бесплатным считается контент, присутствующий в свободном доступе, к которому может получить доступ любой желающий без участия в товарно-денежных отношениях.

Стоит отметить, что в данной статье мы рассматриваем не все классификации видов контента, а только основные и наиболее распространенные [2, 13, 14].

Контент-анализ (от англ. «contens» – содержание) – метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах [11].

Особенностью контент-анализа является то, что он изучает документы в их социальном контексте. Он может быть использован как основной метод исследования, как параллельный (в сочетании с другими методами), как вспомогательный или контрольный метод [7].

В качестве основного метода исследования контент-анализ можно, например, использовать для изучения текстов при исследовании политической направленности газеты.

При исследовании эффективности функционирования средств массовой информации целесообразно использовать контент-анализ как параллельный метод наряду с другими методами (экспертная оценка, анкетирование и др.) [3, 19].

Необходимо также подчеркнуть, что не все документы могут стать объектом контент-анализа. Для проведения контент-анализа необходимо, чтобы соблюдалось два принципа [8]:

- принцип формализации (на основании которого исследуемое содержание позволяет задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик);
- принцип статистической значимости, который заключается в том, что интересующие исследователя элементы содержания должны встречаться с достаточной частотой.

Чаще всего в качестве объектов исследования контент-анализа выступают сообщения печати, радио, телевидения, интернет-сайты,

а также др. виды информационного контента. В таблице 2 представлены исследователи, которые активно используют контент-анализ для изучения современных СМИ [12].

Контент-анализ для изучения информационного контента различных СМИ используется

нечасто, т. к. его применение предполагает проведение достаточно трудоемких, последовательно реализуемых процедур.

Для эффективного применения контент-анализа необходимо реализовать несколько последовательных этапов [2].

Таблица 2.

Исследование современных СМИ с применением контент-анализа

Виды информационного контента	ФИО исследователя	Год исследования	Предлагаемые методики исследования
Печатные СМИ	М. И. Дзялошинская	2004	Контент-анализ и интент-анализ газетных публикаций
	А. В. Семенова, М. В. Корсунская	2010	Контент-анализ газетных публикаций
	М. Г. Катичева	2011	Контент-анализ журнальных публикаций
Телевизионные СМИ	Д. В. Терновская	2013	Экспертная оценка информационно-аналитических программ
Сеть Интернет	А. М. Рюмин	2011	Контент-анализ текстов Интернет-форумов
	П. М. Федоров	2014	Контент-анализ новостных Интернет-сайтов
	В. В. Алексеев, Е. Г. Гридина и др.	2014	Оценка контент-каталога, информационной модели каталога образовательного портала
	Э. И. Мещерякова, А. В. Бочаров	2014	Контент-анализ идеологем, связанных с понятием «экстремизм» в Рунете

1. Определение категории анализа. На данном этапе выделяются наиболее общие, ключевые понятия, которые определяются задачами исследования. Система категорий отражается в опросном листе для эксперта и обозначает вопросы, которые должны быть найдены при анализе информационного контента. Она включает в себя следующие категории: знак, цели, ценности, тема, герой, автор, жанр и др. [2, 10].

При выборе категорий для контент-анализа необходимо пользоваться следующим правилом. С одной стороны, не нужно для анализа брать слишком дробные категории, почти повторяю-

щие текст, а с другой стороны, выбор слишком крупных категорий для анализа также может существенно снизить его эффективность [6, 15].

2. После того как категории сформулированы, **необходимо выбрать соответствующую единицу анализа.** К единице анализа можно отнести лингвистическую единицу речи или элемент содержания, определяющие исследуемое явление или процесс. Единицей анализа могут стать слово, простое предложение, суждение, тема, автор, герой, социальная ситуация, сообщение в целом и др. При исследовании сложных социальных явлений могут выделяться несколько единиц для контент-анализа [4, 9].

3. После определения единицы анализа **устанавливается единица счета**. Данная категория контент-анализа обозначает количественную меру взаимосвязи текстовых и вне-текстовых явлений. Часто исследователями используются такие единицы счета, как «время – пространство» (например, время вещания в радио- или телепрограммах), появление искомым признаков в тексте, на интернет-сайте и частота (интенсивность) их появления [10].

В нашем исследовании в качестве категории анализа определены интернет-сайты антитеррористической направленности. Единицей анализа выбран информационный контент сайтов антитеррористической направленности. За единицу счета было принято событие в контексте его отражения на сайте антитеррористической направленности. Время, за которое нами анализировалась насыщенность информационного контента сайтов антитеррористической направленности, составило один год.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ НАСЫЩЕННОСТИ САЙТОВ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Исходя из целей нашего исследования, была разработана таблица, в которой отражены единицы для проведения контент-анализа экспертами. Задача эксперта – проставить любой значок в соответствующее поле таблицы 3 (присутствует / отсутствует). В данной таблице эксперт должен выбрать один вариант из имеющихся [5, 18].

В дальнейшем материалы всех экспертов предполагается свести в таблицу контент-анализа для проведения анализа полученных данных.

В таблице 3 представлены возможные авторы информационного контента сайта, из которых эксперт или группа экспертов должны отметить тех авторов контента, которые имеются на исследуемом сайте. На основе этих данных

Таблица 3.

Проведение экспертами контент-анализа информационной насыщенности сайтов антитеррористической направленности

Блоки информации для анализа	Присутствует	Отсутствует
1. Обозначение автора (источника) сюжета (определяется по подписи, рубрике, заголовку, самому содержанию текста)		
Журналист		
Информационное агентство		
Исследователь, эксперт		
Неправительственные источники		
Официальное сообщение		
Правозащитные организации		
Представитель общества (гражданин)		
Владельцы сайта		
Не определяется		
2. Виды информационного контента на сайте		
Только текст		
Только иллюстрации		
Только видеоконтент		
Текст с иллюстрациями		
Текст с видеоконтентом		
Текст, иллюстрации и видеоконтент в одном сообщении		
Другие виды контента		

можно будет говорить о том, кто наиболее часто является транслятором информационного контента на исследуемом сайте [16, 20].

В таблице 4 эксперты должны оценить степень информационной доступности сайта. Им необходимо проставить любой значок в тех полях таблицы, которые соответствуют уровню информационной доступности сайта, подвергающегося контент-анализу.

В таблице 5 предлагается экспертам оце-

нить технические характеристики сайта по пятибалльной шкале (где 1 – минимальный балл и 5 – максимальный). Эксперт должен оценить удобство доступа к информационному контенту сайта, скорость работы сайта, качество его визуального оформления, а также степень и возможность охвата иностранных пользователей сети. На основе полученных данных можно говорить о том, «дружелюбен ли» сайт по отношению к пользователю или нет.

Таблица 4.

Возможность обсуждения информационного контента сайта

Заблокировано для всех	
Разрешено только для узкого элитарного круга лиц. Вход в группу только по приглашению участника	
Разрешено только для зарегистрированных пользователей	
Разрешено всем, с предварительным просмотром администратором сайта написанных сообщений (модерация), и допуск его к публикации на сайте	
Разрешено всем без контроля и ограничений	

Таблица 5.

Простота и удобство доступа к информационному контенту сайта

	1	2	3	4	5
Скорость загрузки					
Перекрестные ссылки					
Визуальное оформление					
Ссылки на источники информации					
Мультиязыковость контента					

ВЫВОДЫ

На основе разработанной таблицы контент-анализа можно определить политическую и социальную направленности исследуемого сайта, его структуру и открытость.

На основе полученных данных можно будет выявить проблемные зоны сайтов антитеррористической направленности и дать реко-

мендации по их исправлению. Также перед нами стоит задача по определению наиболее оптимальной и востребованной молодежью структуры информационного контента сайтов антитеррористической направленности, чтобы увеличить их привлекательность для молодого поколения современных россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова М. К., Шереги Ф. Э. Основы прикладной социологии: Учебник для вузов. – М.: Интерпракс, 1996.

2. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург, 1998.
3. Здравомыслова А. Г. Методологические и методические проблемы контент-анализа.

- Вып. 1–2. – М., 1973.
4. *Клунт М. А.* Демографическая политика как предмет контент-анализа // Социологические исследования. – 2003. – № 6.
 5. *Козлова Н. Н.* Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. – 2004.
 6. Методы анализа документов в социологических исследованиях / Под ред. В. Г. Андреевкова, О. М. Масловой. – М., 1985.
 7. *Олейник А. Н.* Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 65–79.
 8. *Парахонская Г. А.* Из опыта преподавания курса «Контент-анализ текстов» // СОЦИС. – 2006. – № 5. – С. 113–117.
 9. *Рой О.* Исследования социально-экономических и политических процессов. – СПб.: Питер, 2004.
 10. *Садмен С., Брэдберн Н.* Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента. – М.: Изд-во Института Фонда «Общественное мнение», 2002.
 11. Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск, 2003.
 12. *Хеллевик О.* Социологический метод. – М.: Весь мир, 2002.
 13. *Челпаченко В. В.* Что такое контент? Виды контента // URL: <http://www.chelpachenko.ru/sozдание-infoprodukta/chto-takoe-kontent.html>
 14. *Шалак В. И.* Современный контент-анализ. Приложение в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. – М.: Омега-Л, 2006. – 272 с.
 15. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2003.
 16. Content Analysis: A Methodology for Structuring and Analyzing Written Material. – Washington, D.C.: U. S. General Accounting Office, 1996. – URL: <http://www.gao.gov/assets/80/76281.pdf>
 17. *Franzosi R.* Content Analysis (SAGE Benchmarks in Social Research Methods series). – L.: Sage Publ., 2008.
 18. *Krippendorff K.* Content analysis: An introduction to its methodology. – Beverly Hills, CA: Sage, 2003.
 19. *Mayring P.* Qualitative content analysis. Forum: Qualitative Social Research. – 2000. – 1 (2). – URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/02-00mayring-e.htm>
 20. *West M. D.* Theory, Method, and Practice in Computer Content Analysis. – Westport, CT: Ablex, 2001.

САМООТНОШЕНИЕ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И РАБОТАЮЩИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Атаманенко Е. С.

В статье обозначаются направления изучения связи «самоотношение – эмоциональность». Анализируются взаимосвязь и зависимость самоотношения и его видов от феноменов эмоциональной сферы личности, рассмотренной в контексте представлений С. Л. Рубинштейна о строении личности и психическом облике человека.

Описываются результаты эмпирического исследования, нацеленного на изучение данной взаимосвязи и взаимозависимости, в котором приняли участие 46 старшеклассников (16–17 лет), учащиеся средних образовательных школ г. Ростова-на-Дону, а также 44 студента ЮФУ (19–20 лет). Выдвигаются гипотезы: о различном удельном весе отдельных видов самоотношения в структуре интегрального самоотношения школьников и студентов, юношей и девушек; о преимущественном влиянии различных эмоционально-личностных черт молодых людей на их интегральное самоотношение и его виды.

Анализируются множественные корреляционные связи между показателями самоотношения и особенностями эмоциональной сферы школьников и студентов различных полов. Результаты исследования свидетельствуют о выраженности в наибольшей степени самоуважения в интегральном самоотношении как школьников, так и студентов; в наименьшей – самоинтереса у школьников и ожидания положительного отношения Других у студентов.

Выявлены: преимущественное влияние эмоциональной стабильности (фактор С+ 16-PF) и излишней удовлетворенности (фактор Q4–16-PF) на интегральное самоотношение и виды самоотношения, имеющие внутренние оценочные основания (аутосимпатия и самоинтерес) у школьников и студентов; преимущественное влияние уровня развития эмоционального интеллекта на виды самоотношения, имеющие внешние оценочные основания (самоуважение и ожидание положительного отношения Других) у школьников и студентов. Установлена обусловленность полом различий в содержании личностных черт, влияющих на интегральное самоотношение: у юношей – расслабленности (излишней удовлетворенности) (фактор Q4–16-PF), у девушек – эмоциональной стабильности (фактор С+ 16-PF).

Ключевые слова: самоотношение, самоинтерес, самоуважение, аутосимпатия, положительное отношение, эмоциональная сфера, личность, эмоциональный интеллект, школьники, студенты.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная ситуация кризисного состояния различных сфер жизни наших соотечественников делает все более востребованными такие характеристики конкурентоспособного индивида, как успешность, мобильность, гибкость в принятии решений и др. Часто данные характеристики являются следствием положительного (или позитивного) самоотношения личности, которое является социально одобряемым феноменом. Возможность некоторых индивидов поддерживать и моделировать собственное позитивное самоотношение находится в определенной взаимосвязи с особенностями их эмоциональной сферы личности. Эмоционально нестабильный, тревожный человек может пересмотреть отношение к себе, потерять веру в собственные силы, что в свою очередь, возможно, станет причиной потери работы, разрушения семейных отношений или других нежелательных последствий.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Самоотношение является феноменом самосознания, относящимся к его эмоционально-ценностному компоненту, а также феноменом отношений, которые описаны В. Н. Мясищевым для обозначения специфики отношения человека к себе самому [5, 12]. В рамках системных трактовок самоотношение понимается как многомерное, многоуровневое образование, являющееся составляющей самосознания. По принципу «конкретность – обобщенность» самоотношение описывается как иерархическая структура, в которой к первому уровню относят внутренние действия в свой адрес (самоукоризна, самообвинения и т. д.); ко второму уровню – такие виды самоотношения, как самоуважение, аутосимпатия и самоинтерес, характеризующие самосознание личности, а также ожидаемое отношение от других людей, характеризующее самосознание социального индивида; к третьему (высшему) уровню – глобальное чувство позитивного или негативного отношения к себе [4, 5, 13, 14, 17].

Эмоциональная сфера человека, ограничивая пласт психического и включая в себя различные феномены, для анализа которых используются эмоции как класс явлений, представляет собой иерархическое строение,

в котором выделяют несколько уровней [8]. К первому уровню относятся элементарные физические чувствования, которые испытывает человек как биологический индивид [7, 8, 16]; второй охватывает эмоциональную сферу социального индивида; третий – отражает эмоциональное развитие личности. В контексте представлений С. Л. Рубинштейна о строении личности и психическом облике человека на третьем уровне рассматриваются: эмоциональная направленность личности, основанная на предметных эмоциях, в которых субъект испытывает потребность и которые придают ценность процессу его деятельности [6]; обобщенные (мировоззренческие) чувства; базовые эмоции, которые рассматриваются как детерминанты личностного поведения [7]; эмоциональный интеллект [8]. Развитие эмоциональной сферы личности неразрывно связано с ее общим развитием – с процессом изменения установок, мировоззрения, с изменением значимости различных сфер жизни [1, 16].

Обобщение современных исследований самоотношения в связи с особенностями эмоциональной сферы позволило выделить следующие направления в изучении данной связи: 1) констатация функциональной связи «самоотношение – эмоциональная сфера» (М. Н. Кропачева, Т. В. Манянина, 2010) [10, 11]; 2) обусловленность темпераментом связи между самоотношением и эмоциональной сферой человека (Т. Н. Кочеткова, 2007) [9]. В большинстве исследований данная связь рассматривается на материале изучения подростков, младших школьников (М. Н. Кропачева, 2010) и дошкольников (Н. Ю. Зеленина, 2011) [9, 10, 11]. Таким образом, связь «самоотношение – эмоциональная сфера» является недостаточно изученной.

ЦЕЛЬ, ОБЪЕКТ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье представлены результаты исследования, нацеленного на изучение самоотношения в связи с особенностями эмоциональной сферы личности молодежи, под которой понимается социально-демографическая группа, ограниченная в нашей стране возрастными рамками от 14 до 30 лет, согласно положению о ГМП в РФ, утвержденному в 2006 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года, № 1760).

Согласно периодизации Л. С. Выготского, в данные возрастные рамки попадают: подростковый возраст (14–16 лет), юношеский возраст (16–21 год), а также начальный этап среднего (взрослого) возраста (22–35 лет) [3]. Подростковый, юношеский и средний возрасты являются сенситивными для развития самооотношения, т. к. именно в это время наблюдается согласование эмоциональных и когнитивных представлений о себе с окружающей реальностью, а также происходит самоопределение человека в профессиональном плане, изменение его социального статуса. С одной стороны, данные процессы связаны с аффективными переживаниями, а с другой, эмоциональные особенности личности предположительно оказывают влияние на самооотношение [8, 14, 18, 19].

В исследовании приняли участие 46 старшеклассников (16–17 лет), учащихся средних образовательных школ г. Ростова-на-Дону, а также 44 студента ЮФУ (19–20 лет). Использовались методы: анкетирование; тестирование (опросник 16-PF Кеттелла (эмоционально-волевой блок) [15]; методика диагностики самооценки

тревожности Ч. Д. Спилбергера [15]; методика Н. Холла «Эмоциональный интеллект» [15]); опросник самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев [15]); методы непараметрической статистики (ранговая корреляция Спирмена (r ; $p < 0,05$); множественный линейный регрессионный анализ (R^2 ; $p < 0,05$) [2]). Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 22.0. В дальнейшем анализе учитывались следующие показатели тестовых методик: фактор О 16-PF «спокойствие – тревожность»; фактор С 16-PF «эмоциональная нестабильность – стабильность»; фактор Q4 16-PF «расслабленность – напряженность»; (RT1), (LT1) – ситуативная и личностная тревожность соответственно (Ч. Д. Спилбергер); показатели эмоционального интеллекта (Н. Холл): (Eo) – эмоциональная осведомленность; (Ue) – управление эмоциями; (Sm) – самомотивация; (Em) – эмпатия; (Re) – распознавание эмоций; шкалы опросника самооотношения: (S) – интегральная, измеряющая чувство «за» или «против» собственного Я испытуемого; (I) – самоуважение; (II) – аутосимпатии; (III) – ожидание положительного ответа от Других; (IV) – самоинтерес.

Таблица 1.

Корреляционные связи между показателями самооотношения и эмоциональных особенностей старшеклассников

<i>Эм.особ.</i> <i>Самоот.</i>	<i>С</i>	<i>О</i>	<i>Q4</i>	<i>RT</i>	<i>Sm</i>	<i>Re</i>	<i>Eo</i>
S	0,533	-0,384	-0,454	-0,341	0,390		
I	0,565	-0,462	-0,484		0,351		
II	0,436	-0,319	-0,522	-0,374			
III	0,329		-0,310			0,316	
IV							0,329

Таблица 2.

Корреляционные связи между показателями самооотношения и эмоциональных особенностей студентов

<i>Эм.особ.</i> <i>Самоот.</i>	<i>С</i>	<i>О</i>	<i>Q4</i>	<i>RT</i>	<i>Ue</i>	<i>Re</i>	<i>Em</i>
S	0,527	-0,480		-0,343	0,275		
I	0,430	-0,371		-0,254	0,372		
II	0,606	-0,355		-0,321			
III						0,316	0,399
IV				-0,377		0,319	0,399

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате исследования установлены положительные и отрицательные корреляционные связи между эмоционально-личностными особенностями старшеклассников и студентов, а также видами самооотношения (см. таблицы 1 и 2).

Из таблиц 1 и 2 следует, что положительное интегральное самооотношение и самоуважение у старшеклассников связано с эмоциональной стабильностью, спокойствием (беспечностью), расслабленностью (излишней удовлетворенностью) и самомотивацией; у студентов – с эмоциональной стабильностью, спокойствием (беспечностью), а также с умением управлять своими эмоциями. Аутосимпатия характерна как для эмоционально уравновешенных и безмятежных старшеклассников, так и для студентов, при этом у старшеклассников аутосимпатия связана также с излишней удовлетворенностью, расслабленностью. Ожидание положительного отношения Других у старшеклассников связано с эмоциональной стабильностью, расслабленностью (излишней удовлетворенностью) и с умением распознавать эмоции других людей, а у студентов – с распознаванием эмоций и эмпатией. Самоинтерес, как у старшеклассников, так и у студентов, связан со свойствами эмоционального интеллекта – у старшеклассников с эмоциональной осведомленностью, а у студентов – с распознаванием эмоций и эмпатией. Также были установлены сходство и различие в структуре интегрального самооотношения: как у школьников, так и у студентов в интегральном самооотношении в наибольшей степени выражено самоуважение; в наименьшей степени у школьников выражен самоин-

терес, у студентов – ожидание положительного отношения Других.

Полученные результаты позволяют предположить влияние эмоционально-личностных черт старшеклассников и студентов на самооотношение и его виды (самоуважение, аутосимпатию, ожидание положительного ответа Других и самоинтерес). Для определения степени влияния рассматривались результаты множественного линейного регрессионного анализа, из которых следует: у старшеклассников на положительное (позитивное) глобальное самооотношение (S), на самоуважение (I) в числе прочих эмоционально-личностных черт преимущественно влияет фактор C+ 16-PF ($R^2 = 0,409$, $R^2 = 0,428$ соответственно); на аутосимпатию (II) – фактор Q4– 16-PF ($R^2 = 0,519$); на ожидание положительного отношения Других (III) – способность к распознаванию эмоций других людей (Re) ($R^2 = 0,278$); на самоинтерес (IV) – фактор Q4– 16-PF ($R^2 = 0,316$). У студентов на положительное (позитивное) глобальное самооотношение (S), на аутосимпатию (II) и самоинтерес (IV) в числе прочих эмоционально-личностных черт преимущественно влияет фактор C+ 16-PF ($R^2 = 0,535$, $R^2 = 0,460$, $R^2 = 0,250$ соответственно); на самоуважение (I) – O– 16-PF ($R^2 = 0,432$); на ожидание положительного отношения Других (III) – эмпатия (Em) и фактор Q4– 16-PF ($R^2 = 0,348$, $R^2 = 0,348$ соответственно).

Таким образом, интегральное позитивное самооотношение подростков и студентов зависит от их эмоциональной устойчивости, зрелости, выдержанности. На аутосимпатию и самоинтерес, имеющие внутренние оценочные основания, влияют следующие эмоционально-

Таблица 3.

Корреляционные связи между показателями самооотношения и эмоциональных особенностей юношей

Самоот. \ Эм.особ.	С	О	Q4	Ео
S	0,510	-0,471	-0,539	
I	0,521	-0,521	-0,600	
II	0,420	-0,399	-0,607	
III	0,485		-0,585	
IV				0,389

Таблица 4.

Корреляционные связи между показателями самооотношения и эмоциональных особенностей девушек

Эм.особ. Самоот.	С	О	Q4	RT	Ue	Sm	Re
S	0,523	-0,351	-0,347	-0,444		0,245	
I	0,503	-0,377	-0,382	-0,368	0,320	0,348	
II	0,520	-0,273	-0,315	-0,357			
III	0,237		-0,278	-0,280		0,271	0,242
IV	0,286			-0,232			

личностные особенности: у школьников – внутренняя расслабленность, удовлетворенность собой; у студентов – эмоциональная стабильность, зрелость. На самоуважение и ожидание положительного отношения Других, имеющие внешние оценочные основания, школьников и студентов влияют как эмоциональные особенности, так и уровень развития эмоционального интеллекта.

Далее анализировались взаимосвязи между особенностями эмоциональной сферы личности и видами самооотношения юношей и девушек (см. таблицы 3 и 4).

Из таблиц 3 и 4 следует, что положительное интегральное самооотношение, самоуважение и аутосимпатия у и юношей и у девушек связаны с эмоциональной стабильностью, спокойствием (беспечностью) и расслабленностью (излишней удовлетворенностью). У юношей ожидание положительного отношения Других связано с эмоциональной стабильностью и расслабленностью, а у девушек еще и с внутренним спокойствием, самомотивацией и распознаванием эмоций. Самоинтерес юношей взаимосвязан с эмоциональной осведомленностью, а у девушек – с эмоциональной стабильностью и низкой ситуативной тревожностью. Также были установлены сходство и различие в структуре интегрального самооотношения: как у юношей, так и у девушек в интегральном самооотношении в наибольшей степени выражено самоуважение; в наименьшей степени у юношей выражен самоинтерес, у девушек – ожидание положительного отношения Других.

Результаты корреляционного анализа позволяют предположить влияние эмоциональных

черт на самооотношение и его виды у юношей и девушек. Для определения степени этого влияния рассматривались результаты множественного линейного регрессионного анализа, из которых следует: у юношей на положительное (позитивное) глобальное самооотношение (S), на самоуважение (I), на аутосимпатию (II) и ожидание положительного отношения Других (III) в числе прочих эмоционально-личностных черт преимущественно влияет фактор Q4– 16-PF ($R^2 = 0,433$, $R^2 = 0,659$, $R^2 = 0,549$, $R^2 = 0,430$ соответственно). На уровень самоинтереса в числе прочих преимущественно влияют фактор C+ 16-PF и составляющая эмоционального интеллекта (Eo) – эмоциональная осведомленность. На положительное интегральное самооотношение (S), на самоуважение (I), на аутосимпатию (II) и самоинтерес (IV) у девушек в числе прочих преимущественное влияние оказывает фактор C+ 16-PF ($R^2 = 0,431$, $R^2 = 0,328$, $R^2 = 0,500$, $R^2 = 0,151$ соответственно); на ожидание положительного отношения Других – фактор Q4– 16-PF ($R^2 = 0,223$). Так, на аутосимпатию и самоинтерес девушек, имеющие внутренние оценочные основания, влияют эмоционально-личностные особенности, а именно – эмоциональная стабильность. На аутосимпатию юношей влияет удовлетворенность собой, расслабленность, а на самоинтерес – эмоциональная стабильность в сочетании с эмоциональной осведомленностью. На ожидание положительного отношения Других, имеющее внешние оценочные основания, и девушек и юношей, влияет расслабленность, удовлетворенность собой. На высокий уровень самоуважения девушек влияет эмоциональная стабильность, а юношей – расслабленность, удовлетворенность собой.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы: различия в выраженности того или иного вида самоотношения в интегральном самоотношении у молодых людей обусловлены не столько доминирующим видом самоотношения, сколько тем видом самоотношения, выраженность которого минимальна в интегральном самоотношении; интегральное самоотношение и его виды у молодых людей связаны со многими

особенностями их эмоциональной сферы, тогда как влияние на самоотношение и его виды преимущественно оказывают: эмоциональная стабильность, расслабленность (излишняя удовлетворенность), а также факторы эмоционального интеллекта – распознавание эмоций, эмпатия, эмоциональная осведомленность.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в анализе связей между иными феноменами самосознания и эмоциональной сферы личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б. Г.* Избранные труды по психологии. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 412 с.
2. *Бююль А., Цефель П.* SPSS: искусство обработки информации. – СПб.: ДиаСофтЮП, 2005. – 335 с.
3. *Выготский Л. С.* Проблема сознания // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 357 с.
4. *Дарижапова М. Н.* Акмеологические особенности самоотношения: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2010. – 173 с.
5. *Джанерьян С. Т.* Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 78–92.
6. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценность. – М., 1978.
7. *Изард К. Э.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2011. – 464 с.
8. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2011. – 782 с.
9. *Кочеткова Т. Н.* Специфика видов самоотношения личности в зависимости от выраженности эмоциональных компонентов: дисс. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2011. – 218 с.
10. *Кропачева М. Н.* Психологические особенности самоотношения у младших школьников с ЗПР: дисс. ... канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 224 с.
11. *Манянина Т. В.* Эмоциональный интеллект в структуре культуры личности: дисс. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2010. – 241 с.
12. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. – М.: Изд-во МПСИ, 2005. – 158 с.
13. *Обухова Ю. В.* Самоуважение как фактор самоотношения личности (по материалам франкоязычных авторов) // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10/4. – С. 37–42.
14. *Пантилеев С. Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 100 с.
15. *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты. – М.: Бахрах-М, 2011. – 576 с.
16. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: Т. 1. – СПб: Питер, 2000. – 712 с.
17. *Столин В. В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 286 с.
18. *Dzhaneryan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V.* Frustration features of city students // The Social Sciences. – 2015. – no. 10 (6). – pp. 1443–1448.
19. *Rochat P.* Others in mind. Social origins of self-consciousness. – N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

Ким А. Э.

В статье обобщаются и систематизируются современные теоретико-психологические представления о жизненной стратегии личности, устанавливаются и обозначаются аспекты ее изучения; жизненная стратегия рассматривается как способ существования личности, направленный на соединение своей индивидуальности с условиями жизни.

Обобщены и обозначены следующие психологические аспекты изучения жизненной стратегии: содержательный, динамический, типологический, оценочный, временной и методический.

Для каждого из аспектов раскрываются исследовательские трактовки, содержание и строение жизненной стратегии. Акцентируется внимание на многокомпонентном строении жизненной стратегии, которое традиционно раскрывается исследователями как включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Предлагается дополнить представленные в литературе компоненты жизненной стратегии кондициональным компонентом, отражающим учет личностью собственных особенностей.

Особое внимание в статье обращается на типологический аспект изучения жизненной стратегии, который в эмпирических исследованиях адресован изучению индивидуально-своеобразных стратегий. В статье приводятся два глобальных основания для установления типов жизненных стратегий: доминирующее содержание того или иного компонента жизненной стратегии и самооценка жизненной стратегии, которую выносит личность с учетом степени достижения субъективно-приемлемого для нее результата.

Рассматриваются исследовательские оценки жизненной стратегии, обобщенные в понятиях «эффективная», «оптимальная», «пессимистичная». Показана проблематичность такого рода оценок в связи с незавершенностью личностью жизненной стратегии в каждый момент времени.

В рамках раскрытия содержания временного аспекта изучения жизненной стратегии акцентируется внимание на устремленность жизненной стратегии в будущее, с одной стороны, и на фиксацию исследователями особенностей жизненной стратегии в настоящем, с другой стороны.

В качестве диагностического инструментария изучения жизненной стратегии в конкретных эмпирических исследованиях выступают тестирование, анкетирование, самописание, самооценки. Отмечается, что в эмпирических исследованиях жизненных стратегий традиционно и преимущественно изучается когнитивный компонент жизненной стратегии, осуществляемой молодыми людьми студенческого возраста.

Делаются выводы о строении жизненной стратегии, обобщаются тенденции ее эмпирического изучения.

Ключевые слова: *жизненная стратегия, жизненные цели, жизненный путь, ценностные ориентации, жизненная удовлетворенность, динамика, типология стратегий, эффективность, временная перспектива, методики исследования.*

ВВЕДЕНИЕ

Сложные условия современной социально-экономической ситуации в мире ставят человека перед необходимостью адаптироваться к изменениям обстоятельств, при этом не теряя личностного своеобразия и индивидуального способа построения жизни. Активность личности значительно зависит от ее жизненной стратегии.

Целью настоящей статьи является установление, обозначение и раскрытие содержания психологических аспектов изучения жизненной стратегии. **Предмет:** научно-психологическое описание жизненных стратегий личности. **Методом** выступает анализ психологической литературы и обобщение результатов эмпирических исследований, посвященных жизненным стратегиям.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Жизненная стратегия относится к числу сложных, многокомпонентных явлений человеческой жизни. В ее содержании отражаются степень субъектности человека и его способность к изменению собственной жизни. Жизненные стратегии вызвали большой интерес у многих исследователей, тем не менее изучение жизненных стратегий остается в фокусе исследовательских интересов [2, 3, 5, 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 24].

Такие понятия, как «жизненные цели», «жизненные планы», «жизненная программа», «жизненная перспектива», «жизненный сценарий» зачастую используются в одном контексте с понятием «жизненная стратегия» для характеристики построения жизни личности. Представляется целесообразным разграничить указанные понятия.

Жизненные цели и планы [8, 23] характеризуются определенной предметной очерченностью, выражены в конкретных событиях жизненного пути, определены в хронологическом и содержательном аспектах, являются

инструментом для определения порядка действий, необходимых для достижения целей. С целями также связано понятие **жизненной программы**, рассматриваемой как система целей, но без конкретных сроков их исполнения.

Жизненная стратегия, как и вышеупомянутые явления, связана с целями личности, ее притязаниями и представлениями о будущем, но она также включает в себя способы достижения и процесс их согласования с внешними факторами. Стратегия, проявляясь в умении соединять свои возможности, притязания с требованиями общества и окружающих, требует реализации на практике [1].

Таким образом, жизненная стратегия включает в себя жизненные цели и планы, а также способы их достижения. Кроме того, стратегия может иметь стихийный характер формирования [1], может не обладать абсолютной конкретностью и полной осознанностью, что присуще плану и программе.

Понятие «жизненная перспектива» трактуется как целостная картина будущего в сложной и противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий [8]. **Жизненная стратегия** же представляет собой определенный способ организации собственной жизни, с учетом целей, притязаний и способов их достижения, при этом она включает в себя образ собственной жизни, являясь более широким понятием, чем жизненная перспектива.

Жизненный сценарий определяется как постепенно разворачивающийся план жизни, который формируется в раннем детстве и представляет собой заданный родителями способ индивидуального структурирования времени жизни [4]. Жизненная стратегия, в отличие от сценария, формирующегося в раннем детстве, по мнению большинства авторов, определяется в юношеском возрасте; кроме того, личность сама может инициировать и нести ответственность за построение и изменение своей жизненной стратегии [1].

Таким образом, жизненная стратегия представляет собой способ существования личности, направленный на соединение своей индивидуальности с условиями жизни. Стратегия, требуя реализации на практике, всегда представляет некое незавершенное настоящее, выводящее человека в будущее, включает в себя выбранное им основное направление, этапы, цели и способы их достижения, интегрируемые в разных сферах жизни. Жизненная стратегия сочетает в себе уникальные и типические аспекты, является целостным, личностно обусловленным и обусловливаемым образованием, вероятно, складывается в юношеском возрасте и может претерпевать изменения в течение жизни.

Результаты анализа литературы позволяют выделить следующие аспекты изучения жизненной стратегии: содержательный, динамический, типологический, оценочный, временной и методический.

В содержательном аспекте жизненная стратегия рассматривается как сложное образование, состоящее из некоторых компонентов, содержание которых рассматривается многими исследователями [1, 3, 12, 19]. Некоторые авторы уделяют внимание ценностным ориентациям личности, определяя их как компонент, интегрирующий, определяющий содержание жизненной стратегии [17]. Другие исследователи конкретизируют ценностные ориентации по отношению к разным сферам жизни, выделяя социальные, культурные, профессиональные ориентации и т. д. [12].

Помимо ценностных ориентаций как компонента жизненной стратегии большое внимание уделяется жизненным целям и планам [19]. Вместе с ценностными ориентациями они представляют собой **когнитивный компонент** жизненной стратегии. На наш взгляд, к этому компоненту можно отнести и такие составляющие жизненной стратегии, которые исследователи обозначают как представления о смысле жизни, о прошлом, настоящем и будущем личности (жизненной перспективе) [13]. Жизненная удовлетворенность, переживание успешности, частота и интенсивность эмоций по отношению к собственной жизни представляют собой **аффективный компонент** стратегии [17, 19]. **Поведенческий компонент** жизненной стратегии конкретизируется в средствах и способах

достижения целей путем организации поведения, технологии деятельности и общения, реализации жизненной позиции, обозначаясь в активности, самостоятельности, гибкости, спонтанности поведения, способности устанавливать межличностные отношения (контактность), творческой направленности и степени реализации собственных возможностей [9, 19].

Таким образом, авторы варьируют число компонентов жизненной стратегии, одни и те же психические явления выступают содержанием разных компонентов, а акценты в изучении ставятся на ценных ориентациях.

На наш взгляд, является целесообразным выделить **кондициональный компонент** жизненной стратегии, включающий в себя учет личностью собственных особенностей, определяющих характер воплощения жизненной стратегии. Правомерность такого включения подтверждают исследовательские работы, в которых такие личностные свойства, как ответственность, инициативность, рефлексивность, степень осознанности жизни, локус контроля, самоуважение, самопринятие, рассматриваются как составляющие жизненной стратегии [9, 13].

В динамическом аспекте рассматриваются условия наличия, динамика жизненной стратегии, а также влияющие на нее факторы. Жизненная стратегия личности является внутренним образованием личности, сформированным при условии наличия осмысленных жизненных целей, системы ценностных ориентаций и определенной жизненной позиции [3]. Ряд авторов отмечает, что выбор стратегии начинает формироваться в детстве, а характеристики стратегии зависят от роли родителей в воспитании ребенка [5]. В современных исследованиях отмечается, что способность к построению и выбору жизненной стратегии приобретает особую значимость в юношеском возрасте, поскольку стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации молодых людей [21, 26].

Предпринимаются попытки воссоздания поэтапного процесса формирования жизненной стратегии, что подтверждается представленными в литературе теоретическими моделями, включающими содержания ценностного и когнитивного компонентов [3]. В качестве

факторов выбора жизненной стратегии исследователями отмечаются возраст, жизненные события, индивидуальные свойства личности, воздействия факторов среды.

Существует мнение, что выбор жизненной стратегии будет во многом зависеть от возраста, который как онтогенетическая характеристика нередко определяет своевременность или несвоевременность жизненных решений [16]. Исследователи отмечают, что на каждом возрастном этапе жизненная стратегия претерпевает изменения, обусловленные накопленным опытом, достигнутыми результатами, а также связанными с ними переоценкой ценностей и притязаний личности, возникающими желаниями и способностями.

Нам представляется важным подход, связывающий динамику изменений жизненной стратегии не столько с определенным возрастом, сколько с жизненными поворотами, внешними и внутренними событиями, которые традиционно связываются с возрастными периодами, но не обуславливаются ими [1, 20]. По мнению С. Л. Рубинштейна, возрастные характеристики проявляются не в статистических срезах, а в стержневых, узловых изменениях [20]. При этом степень влияния каждого изменения, вероятно, будет зависеть от значимости, которую ему придает личность, интенсивности переживаний, создаваемых противоречий и наличия или отсутствия способов их разрешения.

Таким образом, стратегия жизни появляется, формируется и актуализируется под одновременным и взаимным воздействием индивидуальных свойств личности, таких как переоценка ценностей, динамика переживания ответственности, осмысленности, личностных притязаний, и воздействием факторов среды, таких как построение семьи, беременность, включенность в социальные группы, в рабочую или учебную деятельность [10, 11, 24].

Изучение жизненной стратегии должно носить целостный характер, учитывающий условность связывания динамики жизненной стратегии с возрастными этапами, значимость жизненных событий для личности, а также индивидуальные свойства личности и воздействия факторов среды.

Типологический аспект предполагает сопоставление типов личности и особенностей

осуществляемых жизненных стратегий, а также создание типологизации жизненных стратегий. Принципиальной стороной жизненной стратегии является вопрос соотношения типа личности со способом жизни [1]. На сегодняшний день существует множество эмпирических классификаций типов жизненных стратегий, опирающихся на такие критерии, как ведущее содержание тех или иных компонентов жизненной стратегии, выстраиваемой субъектом, либо на характеристики самой стратегии [1, 5, 14, 15, 17, 19]. Нам представляется целесообразным учитывать первый критерий для выстраивания типологии.

В рамках **оценочного аспекта** можно выделить две линии анализа. В первом случае жизненную стратегию личности оценивает исследователь с позиции стороннего наблюдателя, а во втором случае жизненная стратегия является объектом самооценки личности, выстраивающей ее. Изучая жизненные стратегии, исследователи фиксировали и оценивали их содержание, обозначая «пессимистичный» или «оптимистичный» варианты жизненной перспективы [19], отмечая оптимальность жизненной стратегии [14], подразумевающую достижение наилучшего результата в данных условиях при минимальных затратах ресурсов, таким образом оценивая жизненную стратегию с опорой на внешние по отношению к субъекту построения жизненной стратегии критерии. Следует заметить, что данный подход к оценке жизненной стратегии не учитывает факт ее незавершенности в каждый момент времени.

Человек способен оценивать собственную жизненную стратегию с точки зрения ее соответствия представлениям о субъективно приемлемом результате, личностным притязаниям, оценивать эффективность жизненной стратегии, формируя самооценку жизненной стратегии. Основными показателями эффективности стратегии жизни человека авторы называют его удовлетворенность жизнью, психическое здоровье, ощущение счастья или несчастья от прожитой и предстоящей жизни, которые отражают потребность человека организовать свою жизнь таким образом, чтобы она была наиболее эффективной с точки зрения индивидуального представления человека об эффективности жизни [5]. Следует заметить, что понятие

эффективности всегда связано с историческим, культурным, социальным контекстами. Человек, ориентируясь на транслируемые обществом идеалы, эталоны эффективности, принимает их в определенной степени, что влияет на их значимость для человека.

Таким образом, при оценке своей жизненной стратегии личность ориентируется на субъективные представления о приемлемом результате, свои притязания в разных сферах жизни, которые достигаются или же не достигаются в процессе реализации стратегии. При этом опора на внешние или же внутренние оценочные основания, вероятно, будет зависеть от выраженности субъектности человека.

В рамках **временного аспекта** жизненная стратегия рассматривается как незавершенный процесс, формирование и динамика которого зависят от жизненного опыта человека, пережитого им, от внешних и внутренних событий, развертываемых в настоящий момент жизни, от наличного состояния личности, на основе которых личность формирует представления о возможных вариантах построения, реализации жизненной стратегии в будущем. При этом от формируемого образа будущего будет зависеть дальнейший способ его достижения. Как только человек поставил перед собой цель, она начинает направлять и мотивировать усилия по ее реализации [22]. Видение себя в будущем, подразумевающее учет уже приобретенного жизненного опыта, подразумевает представление о том, что человек будет ценить в будущем, что будет делать его жизнь осмысленной, к чему он будет стремиться [7]. Таким образом, жизненная стратегия, ее формирование и реализация на любом этапе жизни, вероятно, будут связаны с притязаниями личности, являющимися мотивационно-целевым образованием, которое проявляется в стремлении к достижению субъективно приемлемого результата в значимых сферах жизнедеятельности [25].

На сегодняшний день в исследованиях жизненных стратегий акцент ставится на фиксации содержания когнитивного компонента жизненной стратегии и включенных в жизненную стратегию обобщенных личностных свойств, таких как ответственность, инициативность, рефлексивность и др. Следует заметить, что последние фиксируются как принадлежащие

личности, а не как учитываемые личностью явления.

Обобщение описания диагностических процедур, примененных в эмпирических исследованиях жизненных стратегий, позволило нам выделить содержание **методического аспекта**. Эмпирическое изучение жизненных стратегий является необходимым для понимания, анализа, расширения представлений об их сущности, чему посвящен ряд исследований [2, 3, 6, 9, 18, 25]. На сегодняшний день изучение жизненных стратегий ведется путем анализа их компонентов в основном с помощью методов тестирования, анкетирования, самооценок и самоописания. Эмпирическим объектом большинства исследований является студенческая выборка.

Широкая представленность изучения ценностных ориентаций, представлений о смысле жизни, жизненных целей человека свидетельствует об акценте исследователей на когнитивном компоненте при эмпирическом изучении жизненных стратегий. Для оценки компетентности во времени, ценностных ориентаций, гибкости поведения, сентизитивности к себе, спонтанности, самоуважения, самопринятия, контактности используются методики изучения самоактуализации (например, методика самоактуализации Э. Шострома). Внимание уделяется изучению жизненного пути, образа жизни, представлений о будущем (автобиография будущего, предложенная Г. Олпортом и Дж. Гиллеспи; тест измерения способности к прогнозированию Л. А. Регуш; методика «Оценивание пятилетних интервалов»; прямая ранжировка жизненных событий; семантический дифференциал «Образ жизни» В. П. Серкина; рисуночная методика И. Л. Соломина «Жизненный путь»; ручной вариант каузометрии А. А. Кроника). Изучение указанных явлений дает представление об элементах поведенческого и кондиционального компонентов.

Изучение содержания аффективного компонента представлено в наименьшей степени и выражено в изучении успехов и неудач (методика изучения стиля объяснения успехов и неудач для подростков (Стоун-П) Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, В. Ю. Шевяховой).

Таким образом, методический аспект жизненной стратегии представлен изучением ее компонентов с помощью как объективных, так

и самооценочных методов, при этом акцент ставится на выявлении когнитивного компонента при малой представленности в исследованиях аффективного содержания жизненной стратегии.

ВЫВОДЫ

Нами были обобщены, установлены и обозначены содержательный, динамический, типологический, оценочный, временной и методический аспекты изучения жизненной стратегии. Раскрыто содержание каждого из рассматриваемых аспектов.

Жизненная стратегия определяется как способ существования личности, направленный на соединение своей индивидуальности с условиями жизни, который может быть фиксирован и осознан личностью и исследователями в каждый данный момент времени, в том числе

и на момент психологического исследования.

Систематизированы компоненты жизненной стратегии, раскрыто их содержание. Предложено рассматривать в качестве компонента жизненной стратегии кондициональный, отражающий, на наш взгляд, учет личностью собственных возможностей.

Рассмотрены тенденции изучения условий наличия, динамики жизненной стратегии, а также влияющих на нее факторов. Отмечены глобальные критерии типологизации жизненных стратегий.

Эмпирическое изучение жизненных стратегий на сегодняшний день в основном результируется в изучении когнитивного компонента. Научная фиксация жизненной стратегии происходит в юношеском возрасте, в частности в период студенчества, которому посвящено большинство исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 289 с.
2. Белецкая А. А. Особенности жизненных стратегий учащихся старших классов: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2012. – 170 с.
3. Белугина М. А. Психологическое содержание жизненных стратегий личности в юношеском возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2009. – 153 с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2015. – 592 с.
5. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 74–84.
6. Воронина О. А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. – Курск, 2009. – 230 с.
7. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.
8. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 142 с.
9. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Жизненные стратегии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – 192 с.
10. Джанерьян С. Т., Афанасенко И. В. Я-концепция как детерминанта карьерной стратегии у мужчин и женщин – представителей технических профессий // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2005. – № 3. – С. 180–186.
11. Земзюлина И. Н., Есенкова Н. Ю., Воробьева М. Е. Переживание особой жизненной ситуации – ситуации беременности – в контексте жизненного пути личности // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Материалы V Всероссийской научно-практической (заочной) конференции, посвященной 75-летию доктора психологических наук, профессора, почетного профессора РГПУ им. А. И. Герцена В. Н. Панферова. – М.: СВВТ, 2015. – 239 с.
12. Кормакова В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников // Образование и общество. – 2009. – № 1. – С. 55–58.
13. Купченко В. Е. Возрастные особенности типологии жизненных стратегий // Психология человека в современном мире: Материалы Всероссийской юбилейной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.). – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. – С. 213–220.

14. *Купченко В. Е., Сачук К. В.* Особенности когнитивной сферы у лиц с разным типом жизненной стратегии // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2010. – № 2. – С. 5–11.
15. *Купченко В. Е., Фирстова Н. Э.* Особенности самоотношения личностей с различным типом жизненной стратегии в период средней зрелости // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2011. – № 1. – С. 4–10.
16. *Логинова Н. А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности: учебное пособие. – Алматы: Казах. университет, 2001. – 172 с.
17. *Ляхова М. А.* Особенности ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывающихся вне родительской семьи // Вестник КемГУ. – 2012. – Т. 1. – № 4 (52). – С. 167–174.
18. *Ляхова М. А.* Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывающихся вне родительской семьи: дисс. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2011. – 268 с.
19. *Петрова Е. А., Петров А. И.* Жизненные стратегии как предпосылка конкурентоспособности личности и их психологическая диагностика // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 7 (95). – С. 185–191.
20. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2013. – 713 с.
21. *Семенов В. Е.* Ценностные ориентации современной молодежи // Современные исследования. – 2007. – № 4 (276). – С. 37–43.
22. *Тихомиров О. К.* Психология мышления. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 272 с.
23. *Толстых Н. Н.* Жизненные планы подростков и юношей // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 74–86.
24. *Шкрябко И. П.* Психологические особенности жизненных стратегий, реализуемых супругами // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. Тематический выпуск «Психология и педагогика». – 2006. – № 13 (62). – С. 100–103.
25. *Шумихина А. В.* Притязания студентов-психологов в связи с особенностями их Я-концепций: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 201 с.
26. *Dzhaneryan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V.* Frustration Features of City Students // The Social Sciences. – 2015. – no. 10 (6). – pp. 1443–1448.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ
ТВОРЧЕСТВА И ЮМОРА**

**Лаврешина А. Ю.,
Дикая Л. А.**

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ, проект № 2141*

Статья представляет собой анализ литературы по психологическим и психофизиологическим аспектам взаимосвязи творчества и юмора. В ней проанализированы основные подходы к определению творчества – с точки зрения его продукта, процесса и механизмов. На основе обобщения содержания различных определений выделены основные характеристики творчества. Приведены определения творчества и юмора. Выделены схожие черты творчества и юмора с психологической точки зрения – несоответствие, неожиданность, новизна. Отмечено сходство приемов, этапов генерирования новой и юмористической идеи. Показано, что юмор и творчество связаны с разрушением привычных контекстов и нахождением новых связей между явлениями.

Обобщены основные подходы к поиску мозговых коррелятов творчества. Отмечена неоднородность и противоречивость результатов их изучения. Так, результаты исследований показывают как правополушарное, так и левополушарное доминирование при творческой активности, как тесную межполушарную интеграцию, так и независимое функционирование полушарий мозга во время творчества.

Подчеркнута фрагментарность исследований нейрофизиологических коррелятов юмора, на основе обобщения результатов которых показано, что структуры и системы, лежащие в основе смеха и радости, распределены по всему мозгу. Описаны нервные пути, функционально обеспечивающие выражение смеха: 1) произвольный и неэмоциональный, и 2) непроизвольный и эмоциональный.

Отмечен явный дефицит научных работ мозговых механизмов порождения юмора, сходства и различия мозговых механизмов творчества и юмора, обоснована актуальность таких исследований.

На основе выполненного теоретического анализа авторы предполагают о возможности функционирования нейронной сети, в которой лобные и височные зоны мозга вовлечены в генерирование творчества и юмора.

Сформулированная авторами гипотеза о существовании как общих, универсальных, так и специфичных для творчества и юмора нейрофизиологических коррелятов ждет своей экспериментальной проверки.

Ключевые слова: *творчество, юмор, психологические механизмы, новизна, положительные эмоции, психофизиологические корреляты, научные подходы, творческое мышление, инсайт, полушария мозга.*

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни научный интерес к проблеме творчества достаточно высок. В современной научной литературе представлены данные о тесной взаимосвязи юмора и творчества [3, 5, 6, 7, 10]. Тем не менее, психологические и психофизиологические исследования чувства юмора у творческих людей пока не многочисленны.

Между тем, характер обсуждения проблематики сходства и различий психофизиологических коррелятов творчества и юмора в современных научных изданиях позволяет заключить о ней как о серьезном перспективном научном направлении. Так, изучение сходства и различий психофизиологических коррелятов творчества и юмора в контексте психических расстройств может иметь диагностические и прогностические цели. Психиатры в своей практике, например, используют способность (или неспособность) больного адекватно реагировать на шутку в качестве диагностического критерия. В психотерапевтической практике также отмечается позитивная роль юмора в процессе терапии и высокая эффективность психотерапевтов, обладающих чувством юмора [27].

Также юмор проявляется в творчестве людей с психическими расстройствами, где он получил название «искусство аутсайдеров» как художественное творчество, практикуемое теми, кто по социальным или психологическим причинам отказывается от нормальной коммуникации и дает свободу своим импульсам в ущерб всякому общественному признанию [7]. Что касается связи разных видов юмора с клиническими проявлениями, то более тяжелую психическую патологию можно охарактеризовать преобладанием разрушительного, «черного» юмора. При исследовании разных видов юмора с психическими расстройствами было показано, что юмор психотиков имеет разрушительный и угрожающий характер и вряд ли может обеспечивать адаптацию к новой жизни в болезни. Юмор шизофреников слишком сложен для восприятия. Параноику сложно понять шутки здоровых людей, и он склонен воспринимать их как оскорбление или угрозу. Больной, находящийся в маниакальном состоянии, то и дело шутит, однако его шутки не кажутся смешными другим людям [7].

Однако психологическая диагностика и терапия с помощью юмора не имеют пока научного обоснования.

Между тем, выявленные определенные сходства психологических механизмов творчества и юмора позволяют предполагать о наличии у них сходства и в психофизиологических механизмах; изучение актуально с точки зрения клинической практики.

Цель работы – провести анализ психологических и психофизиологических исследований творчества и юмора.

ТВОРЧЕСТВО И ЮМОР КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Прежде всего, необходимо определиться с основными понятиями – творчество и юмор.

В современной научной литературе существует множество подходов к определению творчества. Каждый из них раскрывает этот сложный и многогранный феномен с определенного ракурса, причем ни один из них не является полным. На сегодняшний день в психологии отсутствует общепринятое, абсолютно исчерпывающее и однозначное определение творчества. Одни исследователи склонны рассматривать суть творчества через новизну и оригинальность его продукта, другие – через раскрытие механизмов, обеспечивающих его протекание. Ряд авторов определяют творчество как не алгоритмизированный психический процесс, другие – как особое состояние. Рассмотрим основные подходы к определению творчества.

В ключе первого направления М. Г. Ярошевский рассматривает творчество как создание нового, к которому относятся создаваемые субъектом продукты, а также преобразования в его сознании и поведении [16]. В. А. Моляко понимает творчество как генерирование нового, неизвестного ранее для конкретного субъекта [9]. Особое внимание в данной группе определений следует отнести определяющему признаку творчества – новизне. Категория нового многозначна и может иметь как объективную, так и субъективную значимость. Объективная ценность отводится продуктам творчества, не имеющим подобных примеров в истории культуры. Субъективная ценность имеет место для продуктов творчества, не имеющих аналогов в опыте создавшего его человека [11].

Обобщающее определение в рамках данного направления дефиниций творчества дает С. Л. Рубинштейн, подразумевая под творчеством деятельность, созидующую новое, оригинальное, имеющую отношение к истории становления самого субъекта творчества и к развитию науки, искусства, культуры в целом [13].

При кажущейся ясности и простоте такого подхода к пониманию творчества приведенные определения творчества по его продукту содержат некоторое ограничение. Как отмечает А. И. Савенков, во-первых, для психологии важен внутренний мир личности, а не то, что рождается в итоге ее деятельности; и, во-вторых, возникает вопрос, что считать новым [14]. С нашей точки зрения, более продуктивными представляются определения творчества с точки зрения его процессуальной стороны, в которых отмечается: неалгоритмизированность творческого процесса; неразделимое сосуществование и тесное переплетение в нем осознаваемых и неосознаваемых компонентов; внезапное нахождение решения, т. е. инсайтная стратегия. Наиболее известным в этой группе определений творчества является представление об этапах творческого процесса, выделенных G. Walles – подготовке, инкубации, инсайте, проверке и последующей разработке идеи [32]. Представители когнитивной психологии рассматривают творческий процесс как последовательность элементарных операций или их групп (П. Линдсей, Д. Норман, А. Ньюэлл, Г. А. Саймон, Дж. С. Шоу и др.) [4]. Определение феномена творчества как особого состояния потока обнаруживается в работе М. Чиксентмихайи: погруженность человека в решение задачи автоматизирует его деятельность, однако сопровождается выраженным физическим напряжением и умственной концентрацией [15].

Можно выделить ряд определений феномена творчества, относящихся к раскрытию механизмов его протекания и определяющих его содержание через создание новых комбинаций, которые в дальнейшем реализуются в продукте творческого процесса. Так, А. Матейко рассматривает сущность творческого процесса в реорганизации имеющегося опыта по формированию на его основе новых

комбинаций [8]. С. W. Taylor определяет творчество как переструктуризацию опыта в новую организацию [30].

На основе обобщения содержания различных определений можно выделить следующие основные характеристики творчества. Творчество – это активность, направленная на создание нового. Она не целенаправленна, т. е. мы не творим с целью создать нечто новое; это происходит непроизвольно, в процессе творческого акта. Творчество мотивировано не целью, а процессом. Особенностью творческой активности является ее внутренняя мотивация, т. е. она не мотивирована результатом. Творчеством мы занимаемся потому, что это приятно, потому, что это деятельность, которая доставляет удовольствие. Новый продукт, который появляется в результате творческой активности, ее результат, является побочным эффектом творческой деятельности, а не ее целью. Таким образом, творчество – это самоцельная, самодостаточная активность. А продукт творчества, его результат не является основным мотивом для осуществления творческого акта [2].

Что же касается психологии юмора, то, как отметил J. E. Roedelstein, несмотря на значительное количество научной литературы на эту тему, до сих пор она оставалась в значительной степени незамеченной в научных работах [28].

Возможная причина игнорирования темы юмора в психологии, по мнению Р. Мартина – в ее тесной ассоциации в сознании исследователей с весельем и радостью, из-за чего ее считают слишком фривольной и незначительной для серьезного научного исследования [7]. К счастью, идея о том, что психологи должны сосредоточиваться только на «серьезных» темах, в последние годы теряет свою популярность, что демонстрирует появление такого направления, как «позитивная психология», с ее акцентом на изучении сильных сторон и положительных эмоций человека [18, 29].

Проанализировав ряд психологических определений юмора, Р. Мартин заключает, что «юмор – это широкое понятие, которое относится ко всем словам и действиям людей, воспринимающимся как забавные и обычно вызывающие смех у других, а также к психическим процессам, которые участвуют в гене-

рации и восприятию такого забавного стимула, и к эмоциональной реакции, связанной с получением удовольствия от него» [7, с. 25].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЗАИМОСВЯЗИ ТВОРЧЕСТВА И ЮМОРА

Одним из первых на связь творчества и юмора указал А. Koestler, характеризуя специфические виды когнитивных процессов юмора. Он предложил термин «бисоциация» для обозначения психического процесса, участвующего в восприятии юмористического несоответствия (например, игра слов, при которой два различных значения слова или фразы используются одновременно) [25]. Однако бисоциация является одним из основных процессов создания оригинального нового, в силу чего рассматривается как один из механизмов и творческого процесса.

В ряде психологических работ установлена и подтверждена взаимосвязь решения творческих задач и юмора [5, 7]. Некоторые теоретические модели рассматривают юмор в качестве компонента творческого мышления, в качестве творческих проявлений человека [25, 31]. По мнению С. Ю. Коровкина и О. С. Никифоровой, инсайт и юмор имеют как структурное, так и феноменологическое сходство по ряду общих признаков: мгновенный характер понимания; возникновение положительной эмоции, связанной с пониманием задачи или шутки; внутренний конфликт, по меньшей мере, двух когнитивных схем, содержащих разнообразные логические ошибки – ошибки обобщения, аналогий, прямого наложения, нарушения фигуро-фонных отношений и т. д.; нарушение запретов как механизм «выхода за пределы»; преодоление функциональной фиксированности [5].

Несоответствие, неожиданность, новизна – неотъемлемые составляющие юмора, которые в то же время являются и атрибутами творчества. В основе творчества и юмора лежат схожие, если не одни и те же, приемы, способы поиска результата. Схожи и этапы генерирования новой и юмористической идеи. И юмор и творчество связаны с разрушением привычных контекстов и нахождением новых связей между явлениями [5, 7, 10].

Также показано, что люди с более развитым чувством юмора проявляют себя как более твор-

ческие и в других областях [7]. Эту взаимосвязь можно объяснить следующими двумя механизмами. Согласно первому, гибкие мыслительные процессы и активизация многочисленных схем, задействованных в обработке несоответствий в юморе, могут способствовать разноплановому мышлению, требующемуся для креативности [20]. Согласно второму, связанные с юмором положительные эмоции могут ослаблять напряжение и беспокойство, что уменьшает ригидность мышления и повышает способность связывать и объединять разнородный материал [23].

Таким образом, если творчество и юмор достаточно близки по своим психологическим механизмам, то научный интерес представляют исследования психофизиологических основ каждого из этих феноменов.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА И ЮМОРА

В современных исследованиях мозговых механизмов творчества моделью творческой активности человека выступают творческие задачи, способов решения которых нет в опыте участника исследования, или дивергентные задачи, имеющие не одно решение. Решение таких задач предполагает актуализацию творческого мышления, установление новых связей между элементами задачи, отсутствующих в предыдущем опыте испытуемого [2].

На основе проведенного анализа основных существующих научных изданий по проблематике мозговой организации творчества можно отметить противоречие представленных в них результатов. Краеугольным камнем в исследовании мозговой организации творчества стало исследование роли больших полушарий головного мозга в реализации творческой активности. При этом результаты одних исследований показывают, что творческую активность характеризует правополушарное доминирование [24, 26]. В то же время существуют доказательства ее левостороннего расположения [1, 22]. В научной литературе также представлены работы, результаты которых подтверждают как тесную межполушарную интеграцию, так и независимое функционирование полушарий мозга во время творчества [12, 21]. Остаются также открытыми

вопросы об уровне корковой активации при выполнении творческих заданий, о роли различных отделов головного мозга в реализации творчества.

В современных отечественных и зарубежных изданиях отмечается значительная неоднородность и даже противоречивость результатов изучения мозговых коррелятов творческой активности, поэтому исследователям трудно прийти к точным заключениям.

И если исследования последних десятилетий в области психологии и психофизиологии все же позволили продвинуться в изучении феномена творчества, то мозговые корреляты порождения и восприятия юмора, психофизиологические аспекты его взаимосвязи с творчеством представлены преимущественно в отдельных работах зарубежных авторов [17, 19]. И хотя смех и юмор были составными частями человечества на протяжении тысячелетий, их систематическое нейрофизиологическое изучение началось совсем недавно. Исследования их нейрофизиологических коррелятов остаются фрагментарными. Обобщение результатов этих исследований показывает, что структуры и системы, лежащие в основе смеха и радости, распределены по всему мозгу, включая области в коре головного мозга, базальных ганглиях, промежуточном мозге, лимбической системе и стволе мозга.

На основе результатов выполненных работ можно заключить, что выражение смеха обеспечивается функционированием двух частично независимых нервных путей: 1) произвольного и неэмоционального, и 2) произвольного и эмоционального.

Произвольный путь начинается в моторной зоне коры мозга, которая напрямую связана с лицом через кортикоспинальные тракты пирамидальной моторной системы, тогда как произвольный путь является результатом активности подкорковых ядер и достигает лица через экстрапирамидную систему, включая многие связанные с эмоциями области в базальных ганглиях, лимбической системе и стволе мозга. Есть также доказательства того, что произвольный контроль над смехом опосредствован вентральными областями среднего мозга и моста, тогда как эмоциональный контроль включает дорсальные области тех же

самых структур [33]. Однако эти исследования направлены на поиск мозговых механизмов, скорее выражения юмора. Можно отметить явный дефицит исследований мозговых механизмов порождения юмора, тем более сходства и различия мозговых механизмов творчества и юмора.

Анализ мозговых коррелятов юмора был затруднен отсутствием консенсуса среди психологов относительно точного определения юмора и его сущностных компонентов. В настоящее время описание нейронных коррелятов юмора остается фрагментарным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты проведенного анализа литературы, следует отметить наличие определенного сходства психологических характеристик и психофизиологических коррелятов творчества и юмора.

С психологической точки зрения их объединяет несоответствие, неожиданность, новизна, сходство приемов, этапов генерирования новой и юмористической идеи. Юмор и творчество связаны с разрушением привычных контекстов и нахождением новых связей между явлениями.

Сходство этих феноменов с психофизиологической точки зрения проявляется в сложном взаимодействии различных, удаленных участков мозга при их реализации. Особо подчеркивается исследователями роль лобных и височных областей коры, а также отделов, связанных с эмоциональными переживаниями, в функционировании мозговых систем, обеспечивающих творчество и юмор.

По нашему предположению, в соответствии с описанными выше исследованиями должна существовать нейронная сеть, в которой лобные и височные зоны мозга были бы вовлечены в генерирование творчества и юмора. Вероятно, для творчества и юмора могут быть выделены как общие, универсальные нейрофизиологические корреляты, так и специфичные для каждого из этих феноменов. Для проверки гипотезы о существовании такой нейронной сети необходимо проведение специального эмпирического исследования сходства и различий психофизиологических коррелятов творчества и юмора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н. П., Нагорнова Ж. В. Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невербальную (образную) креативность // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 5. – С. 5–13.
2. Дикая Л. А., Дикий И. С. Творческий мозг. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. – 218 с.
3. Дикий И. С., Дикая Л. А., Косовская А. С. Роль креативности и чувства юмора в социально-психологической адаптации студентов // Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г. – М.: Изд-во ИП РАН, 2015. – С. 145–148.
4. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. – С. 250–345.
5. Коровкин С. Ю., Никифорова О. С. Когнитивные и аффективные механизмы юмористической фасилитации решения творческих задач // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – № 4. – С. 37–51.
6. Косовская А. С., Дикий И. С. Креативность и чувство юмора как факторы социально-психологической адаптации студентов // Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы международной научной конференции молодых ученых. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 109–110.
7. Мартин Р. Психология юмора. – СПб.: Питер, 2009. – 480 с.
8. Матейко А. Условия творческого труда. – М.: Мир, 1970. – 300 с.
9. Моляко В. А. Психология творческой деятельности. – Киев: Знание, 1978. – 46 с.
10. Мусийчук М. В. Понимание имплицитного смысла как основа креативного механизма юмора // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия. – 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 22–26.
11. Петрушин В. И. Психология и педагогика художественного творчества. – М.: Академический проект, 2006. – 496 с.
12. Разумникова О. М. Особенности селекции информации при креативном мышлении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6. – № 3. – С. 134–161.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
14. Савенков А. И. Психология детской одаренности. – М.: Генезис, 2010. – 440 с.
15. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Альпина Паблишер, 2011.
16. Ярошевский М. Г. Психология творчества и творчество в психологии: Искусствознание и психология художественного творчества. – М., 1988. – С. 31–50.
17. Amir O., Biederman I., Wang Z. & Xu X. Ha Ha! Versus Aha! A direct comparison of humor to nonhumorous insight for determining the neural correlates of mirth // Cerebral Cortex. – 2015. – V. 25. – no. 5. – pp. 1405–1413.
18. Aspinwall L. G., Staudinger U. M. A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology. – Washington, DC: American Psychological Association, 2003.
19. Bartolo A., Benuzzi F., Nocetti L., Baraldi P. & Nichelli P. Humor comprehension and appreciation: an fMRI study // Journal of Cognitive Neuroscience. – 2006. – V. 18. – no. 11. – pp. 1789–1798.
20. Belanger H. G., Kirkpatrick L. A., Derks P. The effects of humor on verbal and imaginal problem solving // Humor: International Journal of Humor Research. – 1998. – V. 11 (1).
21. Fink A., Neubauer A. C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // International Journal of Psychophysiology. – 2006. – V. 62 (1). – pp. 46–53.
22. Gonen-Yaacovi G., de Souza L. C., Levy R., Urbanski M., Josse G., Volle E. Rostral and caudal prefrontal contribution to creativity: a meta-analysis of functional imaging data // Frontiers in human neuroscience. – 2013. – V. 6 (7). – P. 465. doi:10.3389/fnhum.2013.00465
23. Isen A. M., Daubman K. A., Nowicki G. P. Positive affect facilitates creative problem solving // Journal of personality and social psychology. – 1987. – V. 52 (6). – pp. 1122–1131.
24. Jung R. E., Mead B. S., Carrasco J., Flores R. A. The structure of creative cognition in the human brain // Frontiers in human neuroscience. – 2013. – V. 7. – P. 330. doi:10.3389/fnhum.2013.00330

25. *Koestler A.* The act of creation. – London: Hutchinson, 1964.
26. *Kounios J., Beeman M.* The cognitive neuroscience of insight // *Psychology*. – 2014. – V. 65 (1). – P. 71. doi:10.1146/annurev-psych-010213-115154
27. *Prerost F. J.* Humor as an intervention strategy // *The use of humor in psychotherapy*. – 1994. – pp. 139–148.
28. *Roeckelein J. E.* The psychology of humor: A reference guide and annotated bibliography. – Westport, CT: Greenwood Press, 2002.
29. *Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M.* Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*. – 2000. – V. 55 (1). – pp. 5–14.
30. *Taylor C. W.* Creativity: Progress and potential. – N. Y.: McGraw-Hill, 1964. – 178 p.
31. *Torrance E. P.* Torrance tests of creative thinking. – Princeton, NJ: Personnel Press, 1966.
32. *Walles G.* The art of thought. – N. Y., 1926.
33. *Wild B., Rodden F. A., Grodd W., Ruch W.* Neural correlates of laughter and humour // *Brain*. – 2003. – no. 126. – pp. 2121–2138.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОКУЛОМОТОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ СОКРЫТИЯ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Работа выполнена в рамках проектной части внутреннего гранта Южного федерального университета № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи»

Яцык Г. Г.

В статье рассматриваются основные проблемы современных исследований окуломоторного поведения с применением трекинга глаз (айтрекинга). На сегодняшний день существует большое количество исследований, посвященных изучению различных психологических явлений и механизмов посредством отслеживания движений глаз испытуемых. Наибольшее применение данный метод имеет в области исследования мышления и чтения, а в последнее время интенсивно стали развиваться также и исследования в области детекции скрываемой информации с применением айтрекера.

Метод инструментальной детекции скрываемой информации с применением полиграфа хорошо зарекомендовал себя и на сегодняшний день активно применяется при решении наиболее сложных задач, касающихся исследования памяти испытуемых. В данной статье обращается внимание на наиболее перспективные векторы развития метода айтрекинга в области детекции скрываемой информации, указаны основные причины значимости исследований в области индивидуальных различий в данном направлении.

Одним из наиболее перспективных, но практически неисследованных направлений является анализ движений глаз в условиях свободного визуально-пространственного обзора. В данной статье обоснована актуальность данного направления, рассмотрены те немногочисленные исследования, которые посвящены изучению данной проблемы, а также рассмотрены смежные направления, достижения в которых могут способствовать развитию исследований в области свободного визуально-пространственного обзора.

На сегодняшний день актуальным остается вопрос об особенностях применения полиграфа и айтрекера для выявления скрываемой информации. В нашем обзоре показана принципиальная возможность применения трекинга глаз для выявления скрываемой информации испытуемыми, а также рассмотрены уникальные преимущества, которые имеет данный метод.

Ключевые слова: айтрекинг, детекция лжи, движения глаз, окуломоторное поведение, айтрекер, индивидуальные особенности, внимание, психодиагностика, инструментальная детекция лжи, трекинг глаз.

ВВЕДЕНИЕ

Применение метода регистрации движений глаз активно используется уже несколько десятилетий для изучения особенностей окуломоторного поведения человека в разных

ситуациях. Несмотря на большое количество исследователей, привлеченных к данному направлению, с каждым годом исследования в области айтрекинга становятся все более востребованными и актуальными.

Стоит сказать и о различных подходах в отечественной и зарубежной школах. Имеющиеся на сегодняшний день отечественные исследования, в основном, сфокусированы на изучении фундаментальных принципов движений глаз [1, 2, 3, 6]. Популярны также исследования в области психодиагностики и детекции скрываемой информации посредством анализа окулomotorного поведения испытуемых во время процедуры чтения заранее подготовленных утверждений [4, 9, 10]. При изучении исследований в области трекинга глаз в зарубежных странах мы сталкиваемся с большим разнообразием изучаемых направлений и активным развитием данной области. По мере методической и теоретической разработки процедуры айтрекинга открываются новые перспективные направления подобных исследований. Одним из таких направлений мы считаем применение айтрекинга в ситуации сокрытия испытуемыми субъективно значимой информации.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОКУЛОМОТОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Говоря о механизмах, задействованных в процедуре сокрытия значимой информации, необходимо понимать, что учет индивидуально-типологических особенностей испытуемых имеет здесь большое значение [5, 7, 11]. В области изучения индивидуальных особенностей окулomotorного поведения человека наиболее информативными источниками выступают исследования испытуемых с патологическими отклонениями психики. Andrius Vabalas и Megan Freeth (2015) провели экспериментальное исследование поведения, в котором смоделировали ситуацию реального разговора с собеседником; в нем приняли участие люди с выраженными аутистическими чертами [24]. Авторами было показано, что вопреки имеющимся представлениям, аутизм не снижает количество фиксаций на собеседнике, однако у аутистов значительно снижена склонность «исследовать» собеседника глазами. Любопытно, что схожие паттерны окулomotorного поведения свойственны и шизофреникам [13].

Любопытными представляются исследования людей с обсессивно-компульсивным расстройством. Авторы одного из зарубежных исследований показали, что люди с ярко

выраженными симптомами этого расстройства не обнаруживают большей скорости обнаружения обсессивно-компульсивных стимулов, однако, при обнаружении таковых, они тратят больше ресурсов на сосредоточение внимания, чем испытуемые с не столь сильно выраженными чертами расстройства [14].

Индивидуальные особенности патологического окулomotorного поведения испытуемых с синдромом дефицита внимания и гиперактивности продемонстрированы в исследовании D. Feifel, R. Farber et al. (2004). Испытуемые с этим синдромом, при выполнении задачи направления взора на возникший стимул, демонстрировали слишком раннее (< 90 мс.) и неточное реагирование, а при задаче на игнорирование стимула эти испытуемые также испытывали сложности в произвольном контроле взгляда [17].

Все чаще в последнее время можно встретить исследования в области регистрации электрической активности головного мозга с целью определения паттерна мозговой активности в момент реализации ложного ответа [8]. Встречаются исследования, посвященные сопряженной регистрации электрической активности мозга и трекинга глаз [20]. Стоит сказать, что такие исследования представляют чрезвычайный теоретический и практический интерес, но встречаются они довольно редко, видимо, по той причине, что открытые глаза испытуемых создают довольно большие помехи в электрической активности мозга, что не допускается в классических ЭЭГ-исследованиях.

МЕТОДЫ ДЕТЕКЦИИ СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЙТРЕКЕРА

Говоря о методиках выявления субъективно значимой информации посредством анализа окулomotorного поведения, можно выделить несколько основных направлений: детекция субъективно значимой информации во время процедуры чтения, применение метода «температурных» карт при сравнении визуальных стимулов, а также анализ движений глаз в условиях свободного визуально-пространственного обзора.

Метод детекции субъективно значимой информации во время процедуры чтения

является, на сегодняшний день, одним из наиболее распространенных как в зарубежных, так и в отечественных работах. Наиболее разработанным методом этой группы является ODT-тест (Ocular-motor deception test). Популярность применения данной методики заключается в ее методологической однородности с аналогичными методиками, используемыми во время процедуры тестирования на полиграфе (четкие и понятные формулировки, предъявление не менее пяти стимулов, избегание позиционного эффекта). Точность этого метода, по словам исследователей, достигает 80 % [15].

Применение метода анализа «температурных» карт также широко распространено при проведении айтрекинговых исследований. Наиболее распространенной методикой здесь выступает СКТ-тест (Concealed knowledge test), который также спроектирован на основе аналогичного высокоточного теста, применяемого при проведении исследований с применением полиграфа. J. P. Rosenfeld et al. [21], L. A. Farwell и E. Donchin [16] определяли СКТ-тест как метод, при котором знакомые испытуемому проверочные стимулы сравниваются с незнакомыми контрольными стимулами. T. L. Seymour et al. (2012) успешно применили данную методику в своем исследовании [23]. Авторы использовали такие параметры, как частота морганий, размер зрачка и направленность взора. Точность данного подхода составила более 90 %. Метод анализа «температурных» карт продемонстрировал хорошие результаты и в других исследованиях [18].

Изучение особенностей пространственного внимания в ситуации сокрытия значимой информации, на сегодняшний день, является практически неисследованным направлением, об этом говорят израильские исследователи Y. Neuman, D. Assaf и N. Israeli [12]. Они провели уникальное исследование, в нем попытались смоделировать ситуацию, в которой необходимо было при помощи окулomotorных реакций испытуемых, игравших роль террористов, определить место на карте, куда они заложили «бомбу». При помощи выработанного ими алгоритма исследователи смогли вычислить местоположение «бомбы» в 56 % случаев, в оставшихся нераскрытых случаях исследователи применили метод анализа пер-

вых трех фиксации испытуемых, что позволило повысить точность проведенного исследования до 73 % (в исследовании приняло участие 29 испытуемых). В качестве теоретического фундамента своей работы авторы использовали довольно разработанную в зарубежных исследованиях концепцию противостояния внутреннего и внешнего внимания в окулomotorном поведении [19].

Большое значение механизмов работы внимания продемонстрировано и в исследовании C. Schwedes & D. Wentura [22]. В этом эксперименте приняли участие 37 испытуемых, каждый из которых выполнял 3 типа задач: произвольный выбор одного из незнакомых лиц на изображении из списка; выбор одного знакомого лица из списка незнакомых; сокрытие знакомого лица из списка незнакомых. Было показано, что анализ первой фиксации испытуемых не дает результатов, однако при анализе второй и третьей фиксации можно судить о субъективной значимости изображений для испытуемого. Точность определения значимых изображений лиц в этом исследовании составила 64,9 %.

Некоторую путаницу в понимании основ окулomotorного поведения человека вносят разнотящиеся данные о реагировании человека при предъявлении релевантного стимула, который необходимо скрыть. В этой связи значительное понимание вносит исследование А. С. Огнева, О. Г. Венериной и И. А. Виноградовой (2012), в котором подобное явление объясняется стилевыми особенностями поведения испытуемых. Так, в ходе экспериментальной ситуации испытуемые демонстрировали избирательность внимания к изображениям предметов, манипуляции с которыми они совершали. Испытуемые либо демонстрировали повышенное внимание к таким изображениям, либо старались их игнорировать [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования с применением технологии трекинга глаз становятся все более популярными. Однако появление все большего количества подобной информации не всегда влечет за собой качественное развитие в конкретном направлении. Характерной является ситуация наличия большого количества исследований

окуломоторного поведения человека в самых разных ситуациях, в результате которых удается обнаружить какую-либо любопытную закономерность, однако вопрос о практическом применении данной закономерности, как правило, остается открытым.

Тем не менее, наблюдается тенденция развития данного направления, о чем свидетельствует появление новых исследований, посвященных решению тех или иных прикладных задач. Довольно консолидированными являются

исследования в области изучения трекинга глаз испытуемых с патологическими изменениями психики, анализа «температурных» карт, а также теоретическая и практическая разработка вопроса о влиянии механизмов внимания на особенности окуломоторного поведения человека.

Нам представляется, что на данном этапе научной разработанности изучаемой нами проблемы приоритетной является задача анализа, обобщения и синтеза имеющихся сведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабанщиков В. А., Жегалло А. В.* Методы регистрации движений глаз: теория и практика // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – 2010. – № 5. – URL: www.psyedu.ru
2. *Барабанщиков В. А., Жегалло А. В.* Регистрация и анализ направленности взгляда человека. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 316 с.
3. *Белопольский В. И.* Взор человека: механизмы, модели, функции. – М., 2007. – 415 с.
4. *Венерина О. Г., Пучкова А. Н.* и др. Перспективные методы инструментальной психодиагностики в оценке достоверности информации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2015. – № 2. – С. 78–84.
5. *Ермаков П. Н., Воробьева Е. В., Яцык Г. Г.* Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 2. (в печати)
6. *Ермин Д. А., Сурженко Е. Я., Пименов В. И.* Технология айтрекинг. Методика проведения исследования // Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. – 2015. – Т. 4. – № 39. – С. 49–55.
7. *Иванов Р. С.* Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 90–97.
8. *Кузнецов Д. А., Воробьева Е. В.* К вопросу исследования в области изучения трекинга глаз испытуемых с патологическими изменениями психики, анализа «температурных» карт, а также теоретическая и практическая разработка вопроса о влиянии механизмов внимания на особенности окуломоторного поведения человека.
9. *Огнев А. С., Венерина О. Г., Виноградова И. А.* Новые психодиагностические возможности трекинга глаз // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 107–112.
10. *Огнев А. С., Лихачева Э. В., Мельникова Д. В.* Перспективы использования многополярных семантических дифференциалов в айтрекинге // Успехи современного естествознания. – 2015. – №№ 1–5. – С. 858–862.
11. *Холодный Ю. И.* Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. – 2005. – № 1 (13). – С. 39–48.
12. *Assaf D., Israeli N., Neuman Y.* Identifying the location of a concealed object through unintentional eye movements // *Front. Psychol.* – 2015.
13. *Backasch B., Dowiasch S.* Eye movements of patients with schizophrenia in a natural environment // *Eur. Arch. Psychiatry Clin. Neurosci.* – 2016. – 266:43. – 54.
14. *Bradley M., Hanna D.* et al. Obsessive compulsive symptoms and attentional bias: An eye-tracking methodology // *J. Behav. Ther. & Exp. Psychiat.* – 2016. – 50. – pp. 303–308.
15. *Cook A. E., Hacker D. J.* Lying Eyes: Ocular-Motor Measures of Reading Reveal Deception // *Journal of Experimental Psychology: Applied.* – 2012. – 18 (3). – pp. 301–313.

16. *Farwell L. A., Donchin E.* The truth will out: interrogative polygraphy ("lie detection") with event-related brain potentials // *Psychophysiology*. – 1991. – no. 28. – pp. 531–547.
17. *Feifel D., Farber R.* et al. Inhibitory Deficits in Ocular Motor Behavior in Adults with Attention Deficit / Hyperactivity Disorder // *Biological Psychiatry*. – 2004. – V. 56. – I. 5. – pp. 333–339.
18. *Go-eun K., Bomyi J., Jang-Han L.* Attention pattern changes to threatening crime information: an eye-tracking study with deceptive individuals // *Journal of the Korean Data Analysis Society*. – 2014. – V. 16. – no. 3 (A). – pp. 1181–1193.
19. *Meeter M, Van der Stigchel S, Theeuwes J.* A competitive integration model of exogenous and endogenous eye movements // *Biol. Cybern.* – 2010. – 102 (4). – pp. 271–291.
20. *Min-Suk Kang, Woodman G. F.* The neurophysiological index of visual working memory maintenance is not due to load dependent eye movements // *Neuropsychologia*. – 2014. – 56. – pp. 63–72.
21. *Rosenfeld J. P.* et al. A modified, event-related potential-based guilty knowledge test // *Int. J. Neurosci.* – 1988. – 24. – pp. 157–161.
22. *Schwedes C, Wentura D.* The revealing glance: Eye gaze behavior to concealed information // *Mem Cognit.* – 2012. – 40 (4). – pp. 642–651.
23. *Seymour T. L., Baker Ch. A., Gaunt J. T.* Combining blink, pupil, and response time measures in a concealed knowledge test // *Frontiers in Psychology*. – 2012. – no. 3. – P. 614.
24. *Vabalas A. & Freeth M.* Brief Report: Patterns of Eye Movements in Face to Face Conversation are Associated with Autistic Traits: Evidence from a Student Sample // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2015. – 46 (1). – pp. 305–314.

Gavrilova A. V.

Factors, Determining the Relationships of Intergenerational Participants of Pedagogical Interaction

The article presents the results of empirical research directionality in communication of teachers' relations, who represents generations of Baby-boomers and X. We consider the existing research on the pedagogical interaction between the generations. It is noted a contradiction between the statement of the gap between generations of teachers and students and uncertain ways of interaction of teachers and students in a new way. The study involves two groups of teachers' generations: Baby-boomers (1946–1964 born) and X (1965–1983 born). There are 60 people in each group. We used the methodological procedure of diagnosis generational identity of N. L. Ivanova, a questionnaire of interpersonal relationships of A. Rukavishnikov, technique "Diagnosis of interpersonal relations" of T. Leary, diagnostic of communicative installation of V. V. Boyko, multifactorial personality questionnaire the FPI, personal of communication diagnostic of S. L. Bratchenko. For statistical data processing we used factor analysis of principal component.

Empirically it was found that among generation of Baby-boomers prevails integrative prepotency factor, combines with emotional instability, authoritarianism, reactive aggressiveness, in collaboration with the students, they seek to control and manage, using a wide arsenal styles – from manipulative communication to dialogical. The prepotency factor also prevails among generation X, but emerged a group with the predominance of the amity factor. The conclusion is that, in general, teachers of generation Baby-boomers and X inherent prepotency in relationships, only a small percentage of teachers inherent amity. This group of components of generational pedagogical interactions has a different structure: the indifferent and alterocentric style of communication with students, in dealing with people the tendency to subordination.

Keywords: intergenerational interaction, polifigurative culture, pedagogical interaction, communication style, directionality in communication, interpersonal relations, teachers, generation of Baby-boomers, generation X, students.

REFERENCES

1. Bogdanovskaya I. M., Ikonnikova G. Y., Koroleva N. N. Rol' sovremennoj informacionno-kommunikativnoj sredy v formirovanii iden-

tichnosti i obraza mira sovremennyh podrostkov [The role of modern information and communication media in the formation of identity and the image of modern teenagers the world]. *Psichologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru – Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2015, V. 7., no. 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.phtml

2. Vitvitskaya L. A. *Razvitie vzaimodejstviya sub'ektov obrazovatel'nogo processa universiteta: monografija* [Development of subjects' interaction of educational process at the university: a monograph]. Moscow, Dom pedagogiki, IAS SEI OSU Publ., 2009.
3. Gryaznova Iu. G. *Konfliktogennost' mezhpokolennogo vzaimodejstviya v kul'ture sovremennogo rossijskogo obshhestva* [Conflict potential of intergenerational interaction in the culture of a modern Russian society]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija – Herald of Adygeya State University. Series 1: Area Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, 2011, no. 2, pp. 42–47.
4. Isayeva E. R. *Novoe pokolenie studentov: psichologicheskie osobennosti, uchebnaja motivacija i trudnosti v processe obuchenija pervogo kursa* [The new generation of students: psychological features, learning motivation and learning difficulties of the first course]. *Medicinskaja psichologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. – Medical Psychology in Russia: the Electron. Scient. Journ.*, 2012, no. 4 (15). URL: <http://medpsy.ru>
5. Coates D. *Pokolenija i stili obuchenija* [Generations and learning styles]. Transl. from English of L. E. Kolbachev. Moscow, MAPDO; Novoчерkassk, NOC, 2011. 121 p.
6. Kondrashkin A. V. *Motivacionno-potrebnostnaja sfera podrostkov, nahodjashhijhsja v razlichnyh social'nyh situacijah razvitija* [Need-motivational sphere of adolescents in different social situations of the development]. Abstr. of Diss. ... Cand. Psychol. Sciences. Moscow, 2013.
7. Koroleva D. O. *Ispol'zovanie social'nyh setej v obrazovanii i socializacii podrostka: analiticheskij obzor jempiricheskijh issledovanij (mezhdunarodnyj opyt)* [The use of social networks in the education and social-

- ization of the teenager: an analytical review of empirical studies (international experience)]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2015, V. 20, no. 1, pp. 28–37.
8. Pavlova E. A. Osobennosti primeneniya distancionnogo obuchenija s uchetom teorii pokolenij [Features of the application of distance learning based on the theory of generations]. *Vestnik MPGU. Serija "Informatika i informatizacija obrazovanija" – Bulletin of the MSPU. Series "Information Science and Information education"*, 2012, V. 1 (23), pp. 64–68.
 9. Saporovskaya M. V. Teorija i praktika issledovanija mezhpokolenoj svjazi v semejnom kontekste [Theory and practice of intergenerational communication studies in a family context]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zh. – Psychological Research: Electron. Scientific. J.*, 2010, no. 1 (9). URL: <http://psystudy.ru>
 10. Semenova V. V. *Social'naja dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: the problem and the reality]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN), 2009. 271 p.
 11. Sivrikova N. V. Vzaimosvjaz' social'noj identifikacii i mental'nosti pokolenij [The relationship of social identity and mentality of generations]. *Kul'tura i obrazovanie – Culture and Education*, 2014, no. 12. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2717>
 12. Skok N. I. Biosocial'naja problematika mezhpokolennogo vzaimodejstvija [Biosocial problems of intergenerational interaction]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika – News of Higher Schools. Sociology. Economy. Policy*, 2012, no. 3, pp. 82–84.
 13. Sychenko Iu. A. Sociokul'turnaja determinacija mezhpokolennogo rassoglasovanija cennostnyh orientacij sub'ektov pedagogicheskogo vzaimodejstvija [The socio-cultural determination of intergenerational mismatch value orientations of the subjects of pedagogical interaction]. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znanija – Actual Problems of Psychological Knowledge*, 2012, no. 3, pp. 107–119.
 14. Tarasova L. E. Mezhpokolennoe vzaimodejstvie kak odin iz faktorov socializacii i adaptacii [Intergenerational interaction as one of the factors of socialization and adaptation]. *Izv. Sarat. un-ta. Ser. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija – News of the Sarat. Univ. Ser. Psychology of Education. Developmental Psychology*, 2012, V. 12, I. 4, pp. 22–25.
 15. Feldstein D. I. Psihologo-pedagogicheskaja nauka kak resurs razvitija sovremennoj sociuma [Psycho-pedagogical science as a resource for the development of modern society]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2012, no. 1, P. 23.
 16. Shablyko E. Iu. Mezhpokolennoe vzaimodejstvie v sovremennoj rossijskoj semye: dialektika tradicionnosti i innovacionnosti [Intergenerational interaction in modern Russian family: the dialectic of tradition and innovation]. *Sociologija i social'naja rabota. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki – Sociology and Social Work. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences*, 2010, no. 4 (20), pp. 132–137.
 17. Shurbe V. Z. Sociokul'turnye determinanty mezhpokolennogo vzaimodejstvija [Social and cultural determinants of intergenerational interaction]. *Izvestija VolgGTU – News of the VSTU*, 2012, V. 3, no. 10, pp. 53–58.
 18. Kalb C. Generation 9/11 // Newsweek [Official website]. URL: <http://europe.newsweek.com/911s-children-grow-79477?rm=eu>
 19. Schmidt L., Hawkins P. Children of the tech revolution // Sydney Morning Herald. Life & Style [Official website], 2008, pp. 1–4. URL: <http://www.smh.com.au/news/parenting/children-of-the-tech-revolution/2008/07/15/1215887601694.html>
 20. Wallis C. Gen M: The Multitasking Generation // Time Magazine, 2006.

Ivanova A. V.

Theoretical and Psychological Aspects of Studying the Types of Imagination

The present article systemizes the psychological studies of the types of imagination. Relevance of the research aspects of the study imagination depends, on the one hand, on its highest value in every person's life, on the other – on its poor knowledge in modern psychology. The subject of our study was

psychological notions of imagination. According to the criterion of interpretations and functions of the imagination, the following psychological aspects of studying the types of imagination were established and emphasized: cognitive-processual, stimulating and motivational, imagination as a factor of personal development, imagination as a professionally important factor, differential and psychological aspect, and situational aspect. It was shown, that in every aspect of the imagination study its leading interpretations are similar in the emphasis put by researches on the effectiveness of this process – creation of the new; voluntary imagination is traditionally investigated. Imagination is a multifunctional process taking part in cognition, providing the efficiency of creative and professional activity, predicting, planning for the future, personal motivating, creating and supporting of Self-conception and realization of the psychological defenses of a personality.

The analysis of the interpretations and functions of the imagination made it possible to single out the main contradictions: between attributing it to the highest psychic functions and studying its role in coping behavior; between emphasizing its role in the development and self-development of a person and its primary study of children and teenagers; between confirming the importance of every type of imagination and primary study of voluntary type only; between statement of the conditionality of imagination by personal features of the subjects and limitation of the sphere of empiric studies specially devoted to the characteristics of imagination depending on the individual and psychological peculiarities of a person.

Keywords: imagination, types of imagination, functions of imagination, aspects of study, cognitive-processual aspect, stimulating and motivational aspect, developmental factor, psychotherapeutic aspect, differential-psychological aspect, situational aspect.

REFERENCES

1. Bessonova N. M. Formirovanie voobrazheniem obrazov zhelaemyh sostojanij v situatsijah neopredelennosti [Formation by imagination desired states in situations of uncertainty]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 2007, no. 7, pp. 302–309.
2. Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniia lichnosti: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Problems of personality formation in children: selected psychological works]. Ed. by D. I. Feldstein. Moscow; Voronezh, Institute of Practical Psychology Publ., 1995. 352 p.
3. Vasiliuk F. E. *Psihologija perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situacij* [Psychology of experiences. Analysis of overcoming of critical situations]. Moscow, MSU Publ., 1984. 200 p.
4. Vekker L. M. *Psihika i real'nost': edinaja teorija psicheskikh protsessov* [Mind and reality: unified theory of mental processes]. Moscow, Smysl, 1998. 364 p.
5. Vygotsky L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity during school years]. Moscow, Prosveshchenie, 1991. 95 p.
6. Vygotsky L. S. *Psihologija iskusstva* [The Psychology of Art]. Rostov-on-Don, Feniks, 1998. 480 p.
7. Vygotsky L. S. *Psikhologija razvitiya cheloveka* [The psychology of human development]. Moscow, Smysl, Eksmo, 2005. 1136 p.
8. Davydov V. V. *Problemy razvivajushego obuchenija: Opyt teoreticheskogo i eksperimental'nogo psichologicheskogo issledovaniya* [Problems of developing education: Experience of theoretical and experimental research]. Moscow, Pedagogika, 1986. 240 p.
9. Dzhanyan S. T. *Poterja raboty: zhiznennoe sobytie i situatsija* [The loss of work: life events and situations]. *Psichologicheskii vestnik – Psychological Bulletin*, 1999, V. 1, no. 2, pp. 272–282.
10. Dzhanyan S. T., Soldatova I. A. *Psichologicheskaja gotovnost' studentov-vypusknikov luFU k predprinimatel'skoj dejatel'nosti* [The psychological readiness of graduate students of SFU for entrepreneurship]. *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie – Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2012, V. 2 (21), pp. 12–17.
11. Dmitrieva M. A., Krylov A. A., Naftuljev A. I. *Psikhologiya truda i inzhenernaya psikhologiya* [The Labor Psychology and Engineer Psychology]. Leningrad, LSU Publ., 1979. 220 p.
12. Dodonov B. I. *Emotsiia kak tsennost'* [Emotion as a value]. Moscow, Pedagogika, 1978. 272 p.
13. IZARD C. E. *Psihologija emotsij* [The psychology of emotions]. St. Petersburg, Piter, 2009. 464 p.

14. Ilyin E. P. *Motivatsiia i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter, 2013. 508 p.
15. Kachalova A. A. *Razvitie hudozhestvennogo voobrazhenija detej: pedagogicheskij aspekt* [The development of the artistic imagination of children: pedagogical aspect]. Abstr. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Shadrinsk, 2010. 23 p.
16. Krasnoperov O. V., Panchenko A. L. Subektivnye harakteristiki sna i svojstva lichnosti [Subjective sleep characteristics and personality traits]. *Voprosy psikhologii – Questions of Psychology*, 1991, no. 6, pp. 139–141.
17. Maddi S. *Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz* [Personality theories: a comparative analysis]. St. Petersburg, Rech, 2002. 542 p.
18. Maklakov A. G. *Obschaja psihologija* [The general psychology]. St. Petersburg, Piter, 2008. 580 p.
19. Morosanova V. I., Aronova E. A. *Samosoznanie i samoreguljatsija povedenija* [Self-awareness and self-regulation of behavior]. Moscow, IP RAS Publ., 2007. 214 p.
20. Neisser U. *Poznanie i real'nost'* [Cognition and the reality]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 398 p.
21. Nalchadzhani A. A. *Psihologicheskaja adaptatsija: mehanizmy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategies]. Moscow, Eksmo, 2010. 368 p.
22. Nikiforova O. I. K voprosu o voobrazhenii [To the question of imagination]. *Voprosy psikhologii – Questions of Psychology*, 1972, no. 2, pp. 67–77.
23. Petrovskij A. V. *Vvedenie v psihologiju* [Introduction to Psychology]. Moscow, Academija, 1996. 496 p.
24. Reykovskij I. A. *Eksperimental'naja psihologija emotsij* [Experimental psychology of emotions]. Moscow, Progress, 1979. 392 p.
25. Ribo T. *Tvorcheskoe voobrazhenie* [Creative imagination]. St. Petersburg, Publ. house of Iu. N. Erlikh, 1901. 318 p.
26. Rozhkov N. T. *Psihoanaliticheskaja pedagogika: teorija i tehnologii: monografija* [Psychoanalytic pedagogy: theory and technology: a monograph]. Orel, IASAS Publ., 2013. 266 p.
27. Semke V. I. A. *Istericheskie sostojanija* [Hysterical states]. Moscow, Meditsina, 1988. 224 p.
28. *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1983. 840 p.
29. Horney K. *Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaja teorija nevroza* [Our inner conflicts. A constructive theory of neurosis]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2007. 218 p.
30. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V. Frustration features of city students // *The Social Sciences*, 2015, no. 10 (6), pp. 1443–1448.

Yushko M. A.

The Developing of Estimation Mechanism of Antiterrorist Sites' Information Content

The article analyzes the different types of information content of the media (mass media). Considering preferences of young people in the choice of media sources, which they use to obtain information about the social and political processes that takes place in the world. To determine these preferences we researched students of SFEDU and of the North Caucasus Federal District. The research was conducted in 2015 year, in the form of survey for young people aged from 14 to 25 years, at Google-Docs online service. The survey was attended by more than 1,500 high school students, the organizations of the middle and high professional education of Rostov and Volgograd regions, Krasnodar and Stavropol edges. Also in the study takes place individual students from other subjects of the Russian Federation as well as people over 25 years. The participants of survey were asked to answer a series of questions, which was related to the information content of various media. Processing of research was carried out using SPSS software.

Based on the analysis of questionnaires, we were revealed the most popular media sources in the environment of youth in our region. This information was used to evaluate the social-political situation in Russia and the world, as well as to identify the most influential media, which currently make up in the equal proportion TV and network Internet.

Based on the data of the study, the author proposes evaluation algorithm of the information richness of sites with antiterrorist directivity by using the method of content analysis and expert evaluation.

Keywords: content, content analysis, site, source of information, type of content, antiterrorist-oriented, expert, expert evaluation, analysis category, the unit of analysis.

REFERENCES

1. Gorshkova M. K., Sheregi F. H. *Osnovy prikladnoj sociologii: Uchebnik dlja vuzov* [Fundamentals of Applied Sociology: Textbook for universities]. Moscow, Interpraks, 1996.
2. Deviatko I. F. *Metody sociologicheskogo issledovanija* [Methods of sociological research]. Ekaterinburg, 1998.
3. Zdravomyslova A. G. *Metodologicheskie i metodicheskie problemy kontent-analiza* [Methodological and methodical problems of content analysis]. V. 1–2. Moscow, 1973.
4. Klupt M. A. Demograficheskaja politika kak predmet kontent-analiza [Population policy as a subject of content analysis]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Studies*, 2003, no. 6.
5. Kozlova N. N. Metodologija analiza chelovecheskih dokumentov [The methodology of human documents' analysis]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Studies*, 2004.
6. *Metody analiza dokumentov v sociologicheskikh issledovanijah* [Analysis methods of documents in sociological researches]. Under. Ed. of V. G. Andreenkov, O. M. Maslova. Moscow, 1985.
7. Oleinik A. N. Trianguljacija v kontent-analize. Voprosy metodologii i jempiricheskaja proverka [Triangulation in content analysis. Methodological issues and empirical testing]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Studies*, 2009, no. 2, pp. 65–79.
8. Parakhonskaia G. A. Iz opyta prepodavanija kursa "Kontent-analiz tekstov" [Of course teaching experience "Text Content Analysis"]. *SOCIS*, 2006, no. 5, pp. 113–117.
9. Roy O. *Issledovanija social'no-jekonomicheskikh i politicheskikh processov* [Investigations of social-economic and political processes]. SPb., Piter, 2004.
10. Sadman S., Bradbern N. *Kak pravil'no zadavat' voprosy: vvedenie v proektirovanie oprosnogo instrumenta* [How to ask questions: introduction to the design of the questionnaire tool]. Moscow, Institute Fund "Public opinion" Publ., 2002.
11. *Sociologicheskaja jenciklopedija* [Sociological encyclopedia]. Under Gen. Ed. of A. N. Danilov. Minsk, 2003.
12. Hellevik O. *Sociologicheskij metod* [Sociological method]. Moscow, Ves mir, 2002.
13. Chelpachenko V. V. *Chto takoe kontent? Vidy kontenta* [What is content? Types of content]. URL: <http://www.chelpachenko.ru/sozdanie-infoprodukta/chto-takoe-kontent.html>
14. Shalak V. I. *Sovremennyj kontent-analiz. Pri-lozhenie v oblasti politologii, reklamy, socio-logii, jekonomiki, psihologii, kul'turologii* [The modern content analysis. The application in the field of political science, advertising, sociology, economics, psychology, cultural studies]. Moscow, Omega-L, 2006. 272 p.
15. Iadov V. A. *Strategija sociologicheskogo issledovanija: opisanie, objasnenie, ponimanie social'noj real'nosti* [The strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality]. Moscow, Dobrosvet, 2003.
16. *Content Analysis: A Methodology for Structuring and Analyzing Written Material*. – Washington, D.C., U. S. General Accounting Office, 1996. URL: <http://www.gao.gov/assets/80/76281.pdf>
17. Franzosi R. *Content Analysis* (SAGE Benchmarks in Social Research Methods series). L., Sage Publ., 2008.
18. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology*. Beverly Hills, CA, Sage, 2003.
19. Mayring P. *Qualitative content analysis*. Forum: Qualitative Social Research, 2000, 1 (2). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/02-00mayring-e.htm>
20. West M. D. *Theory, Method, and Practice in Computer Content Analysis*. Westport, CT, Ablex, 2001.

Atamanenko E. S.

The Self-Relation and its Connection with the Emotional Sphere of the Personality of Studying and Working Young People

In article the directions of studying of connection "the self-relation – emotionality" are designated. The author analyzes the interrelation and dependence of the self-relation and its types from phenomena of the emotional sphere of the personality considered in the context of S. L. Rubinstein's ideas of the personality structure and mental shape of the person.

This article includes the results of the empirical research aimed at studying of this interrelation and interdependence in which 46 seniors (16–17 years)

pupils of comprehensive schools of Rostov-on-Don, and also 44 students of SFU (19–20 years) have taken part. We make hypotheses about: various specific weight of separate types of the self-relation in structure of the integrated self-relation of school students and students, young men and girls; primary influence of various emotional and personal lines of young people on their integrated self-relation and its types.

Multiple correlations between the indices of self-esteem and the characteristics of the self-emotional sphere of pupils and students of different genders are analyzed in the article. Results of research testify to expressiveness most of self-esteem in the integrated self-relation of both pupils and students; in the smallest degree – self-interest at school students and expectation of the positive relation of others at students.

Revealed the primary influence of emotional stability (factor C+ 16-PF) and excessive satisfaction (factor Q4– 16-PF) on the integrated self-relation and its kinds (autosympathy and self-interest) in pupils and students; the primary influence of emotional intelligence level on the kinds of self-relation (self-esteem and the expectation of a positive attitude to Other) in pupils and students. Established the gender defines distinctions of the personal lines influencing the integrated self-relation: young men – slackness (excessive satisfaction) (factor Q4– 16-PF), girls – emotional stability (factor C+ 16-PF).

Keywords: self-relation, self-interest, self-respect, autosympathy, positive relation, emotional sphere, personality, emotional intelligence, pupils, students.

REFERENCES

1. Ananyev B. G. *Izbrannye trudy po psichologii* [Psychological works]. SPb., SPbSU Publ., 2007. 412 p.
2. Byuyul A., Tsefel P. *SPSS: iskusstvo obrabotki informatsii* [SPSS: the art of data processing]. SPb., DiaSoftYuP, 2005. 335 p.
3. Vygotskiy L. S. Problema soznaniia [Consciousness problem]. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 1.* – Coll. of works: The 6 v. V. 1. M., Pedagogika, 1982. 357 p.
4. Darizhapova M. N. *Akmeologicheskie osobennosti samootnosheniia* [Acmeological features of the self-relation]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Moscow, 2010. 173 p.
5. Dzhanyan S. T. *Struktura tipov professionalnykh la-kontseptsiy* [The structure of the types of professional Self-concepts]. *Rossiiskii psichologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, V. 2, no. 3, pp. 78–92.
6. Dodonov B. I. *Emotsii kak tsennost* [Emotions as value]. Moscow, 1978.
7. Izard K. *Psihologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. SPb., Piter, 2011. 464 p.
8. Ilyin E. P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. SPb., Piter, 2011. 782 p.
9. Kochetkova T. N. *Spetsifika vidov samootnosheniya lichnosti v zavisimosti ot vyrazhenosti emotsionalnykh komponentov* [Specifics of types of the self-relation of the personality depending on expressiveness of emotional components]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Habarovsk, 2011. 218 p.
10. Kropacheva M. N. *Psichologicheskie osobennosti samootnosheniya u mladshih shkolnikov s ZPR* [Psychological features of the self-relation in younger school students with IMF]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Nizhniy Novgorod, 2010. 224 p.
11. Manyanina T. V. *Emotsionalnyi intellekt v strukture kultury lichnosti* [Emotional intelligence in structure of the personality culture]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Barnaul, 2010. 241 p.
12. Myasishev V. N. *Psihologiya otnoshenii* [Psychology of the relations]. Moscow, MPSI Publ., 2005. 158 p.
13. Obuhova Iu. V. *Samouvazhenie kak faktor samootnosheniya lichnosti (po materialam frankoyazyichnykh avtorov)* [Self-esteem as a factor of the self-relation of the personality (on materials of French-speaking authors)]. *Severo-Kavkazskiy psichologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, № 10/4, pp. 37–42.
14. Pantileev S. R. *Samootnoshenie kak emotsionalno-otsenochnaya sistema* [Self-relation as emotional and estimated system]. Moscow, Moscow University Publ., 1991. 100 p.
15. Raygorodskiy D. Ia. *Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Procedures and tests]. Moscow, Bahrah-M, 2011. 576 p.
16. Rubinstein S. L. *Osnovy obschei psichologii: T. 1* [Fundamentals of the psychology: V. 1]. SPb., Piter, 2000. 712 p.

17. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* [Consciousness of the personality]. Moscow, MSU Publ., 1983. 286 p.
18. Dzhaneryan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V. Frustration features of city students // *The Social Sciences*, 2015, no. 10 (6), pp. 1443–1448.
19. Rochat P. *Others in mind. Social origins of self-consciousness*. N. Y., Cambridge University Press, 2009.

Kim A. E.

Theoretical and Psychological Aspects of Researching Individuals' Life Strategies

This article consolidates and systematizes modern theoretical and psychological aspects of researching individuals' life strategies. It conceptualizes and describes the aspects of researching the life strategy, which is perceived as the means of individuals' existence aimed at adjusting one's individuality to match life conditions.

This document consolidates and conceptualizes several psychological aspects of researching the life strategies, specifically, the substantive, dynamic, typological, evaluative, temporal and methodological aspects.

Research interpretations, contents and life strategy composition are analyzed for each of the aspects. Special attention is paid to the multi-component pattern of a life strategy that is traditionally approached by researchers as a combination of cognitive, affective and behavioral components. It is suggested to complement the components of the life strategy, described in literature sources with a conditional component reflecting the personal awareness about one's individual particularities.

In this article, specific attention is paid to the typological aspect of researching life strategies that is addressed to researching individual and peculiar strategies in empirical studies. The article offers two global conceptual foundations for establishing the types of life strategies: the predominant contents of a specific life strategy component and the self-evaluation of the life strategy that is created by individuals taking into account the perceived success in achieving subjectively acceptable results.

Research evaluations of life strategies, generalized in such terms as "effective", "optimal" and "pessimis-

tic", are also considered in this article. The author depicts the problematic character of such evaluations associated with the incompleteness of individual life strategies at any given moment in time.

On the one hand, the analysis of the temporal aspect of researching life strategies is concentrated on the future-bound direction of the life strategies. On the other hand, it is focused on the present-moment registration of life strategy particularities by researchers.

The list of diagnostic instruments used for researching of the life strategies within the scope of specific empirical studies includes tests, questionnaires, self-descriptions and self-evaluations. It should be noted that empirical studies of the life strategies are traditionally and predominantly focused on the cognitive component of the life strategies, implemented by young university students.

The conclusions are drawn concerning the composition of the life strategies and generalizations are made concerning the trends of its empirical research.

Keywords: *life strategy, life goals, life journey, value-based orientations, life satisfaction, dynamics, typology of strategies, effectiveness, temporal perspective, research methods.*

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategija zhizni* [Life strategy]. – Moscow, Mysl, 1991. 289 p.
2. Beletskaya A. A. *Osobennosti zhiznennyh strategij uchashihsja starshih klassov* [Particularities of life strategies of senior school students]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Moscow, 2012. 170 p.
3. Belugina M. A. *Psihologicheskoe sodержanie zhiznennyh strategij lichnosti v junosheskom vozraste* [Psychological contents of individuals' life strategies in adolescence]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Yaroslavl, 2009. 153 p.
4. Berne E. *Igry, v kotorye igrajut ljudi. Ljudi, kotorye igrajut v igry* [Games people play. What do you say after you say hello]. Moscow, Eksmo, 2015. 592 p.
5. Vasilieva O. S., Demchenko E. A. *Izuchenie osnovnyh harakteristik zhiznenoj strategii cheloveka* [Researching the basic characteristics of individuals' life strategies]. *Voprosy psichologii – Questions of Psychology*, 2001, no. 2, pp. 74–84.
6. Voronina O. A. *Zhiznennye strategii kak faktor*

- otnoshenija studentov k uchebnoj dejatel'nosti* [Life strategies as the factor of students' attitude towards educational activities]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Kursk, 2009. 230 p.
7. Ginzburg M. R. Psihologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredelenija [Psychological contents of individuals' self-determination]. *Voprosy psichologii – Questions of Psychology*, 1994, no. 3, pp. 43–52.
 8. Golovakha E. I. *Zhiznennaja perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi* [Life perspectives and professional self-determination of young people]. Kiev, Naukova Dumka, 1988. 142 p.
 9. Dementiy L. I., Kupchenko V. E. *Zhiznennye strategii* [Life strategies]. Omsk, Omsk State University Publ., 2010. 192 p.
 10. Dzhaneryan S. T., Afanasenko I. V. Ja-kontseptsija kak determinanta kar'ernoj strategii u muzhchin i zhenschin – predstavitelej tehnonomicheskikh professij [Self-concept as the determinant of carrier strategies of male and female representatives of technological professions]. *Severo-Kavkazskij psichologicheskij vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2005, no. 3, pp. 180–186.
 11. Zemzyulina I. N., Yesenkova N. Iu., Vorobyeva M. E. Perezhivanie osoboj zhiznenoj situatsii – situatsii beremennosti – v kontekste zhiznennogo puti lichnosti [Experiencing peculiar life situations – the state of pregnancy – within the context of individual life journey]. *Integrativnyj podhod k psichologii cheloveka i social'nomu vzaimodejstviyu ljudej: Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy (zaochnoj) konferencii, posvjashhennoj 75-letiju doktora psichologicheskikh nauk, professora, pochetnogo professora RGPU im. A. I. Gercena V. N. Panferova – Integrative approach to human psychology and social interaction: Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (extramural) devoted to the 75th Anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Professor, and Honored Professor of the RSPU named after A. I. Herzen V. N. Panferov*. Moscow, SWIVT, 2015. 239 p.
 12. Kormakova V. N. Proektirovanie zhiznennykh strategij kak uslovie professional'no-lichnostnogo samoopredelenija starsheklassnikov [Life strategies design as the condition of professional and personal self-determination of senior school students]. *Obrazovanie i obschestvo – Education and Society*, 2009, no. 1, pp. 55–58.
 13. Kupchenko V. E. Vozrastnye osobennosti tipologii zhiznennykh strategij [Age-based peculiarities of life strategies typology]. *Psihologija cheloveka v sovremennom mire: Materialy Vserossijskoj jubilejnoy konferencii, posvjashhennoj 120-letiju so dnja rozhdenija S. L. Rubinshtejna (Moskva, 15–16 oktjabrja 2009 g.) – Psychology of individuals in the modern world: Materials of the All-Russian Jubilee Conference devoted to the 120th Anniversary of the birth of S. L. Rubinstein (Moscow, 15–16 of October, 2009)*. Moscow, IP RAS Publ., 2009, pp. 213–220.
 14. Kupchenko V. E., Sachuk K. V. Osobennosti kognitivnoj sfery u lits s raznym tipom zhiznenoj strategii [Peculiarities of the cognitive sphere of individuals with different types of life strategies]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Psichologija" – Omsk University Bulletin. Series "Psychology"*, 2010, no. 2, pp. 5–11.
 15. Kupchenko V. E., Firstova N. E. Osobennosti samootnoshenija lichnostej s razlichnym tipom zhiznenoj strategii v period srednej zrelosti [Peculiarities of self-attitude of individuals with different types of life strategies in the age of maturity]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Psichologija" – Omsk University Bulletin. Series "Psychology"*, 2011, no. 1, pp. 4–10.
 16. Loginova N. A. *Psihobiograficheskij metod issledovanija i korrektsii lichnosti: uchebnoe posobie* [Psychological and biographical method of personality research and correction: educational guidance]. Almaty, Kazakh University, 2001. 172 p.
 17. Lyakhova M. A. Osobennosti tsennostnykh komponentov zhiznennykh strategij studentov vuza, vospityvajushchisja vne roditel'skoj sem'i [Peculiarities of value-based components of the life strategies of university students raised outside of their parents' families]. *Vestnik KemGU – KemSU Bulletin*, 2012, V. 1, no. 4 (52), pp. 167–174.
 18. Lyakhova M. A. *Tsennostnye komponenty zhiznennykh strategij studentov vuza, vospityva-*

- juschihsjja vne roditel'skoj sem'i* [Value-based components of the life strategies of university students raised outside of their parents' families]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Kemerovo, 2011. 268 p.
19. Petrova E. A., Petrov A. I. Zhiznennye strategii kak predposylka konkurentosposobnosti lichnosti i ih psihologicheskaja diagnostika [Life strategies as the prerequisite of individual competitive capabilities and their psychological diagnostics]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta – Scientific Proceedings of the Russian State Social University*, 2011, no. 7 (95), pp. 185–191.
 20. Rubinstein S. L. *Osnovy obschej psihologii* [The principles of general psychology]. SPb., Piter, 2013. 713 p.
 21. Semyonov V. E. Tsennostnye orientatsii sovremennoj molodezhi [Value-based orientations of modern young people]. *Sovremennye issledovanija – Modern Research*, 2007, no. 4 (276), pp. 37–43.
 22. Tikhomirov O. K. *Psihologija myshlenija* [Psychology of thinking]. Moscow, MSU Publ., 1984. 272 p.
 23. Tolstykh N. N. Zhiznennye plany podrostkov i junoshej [Life plans of teenagers and adolescents]. *Voprosy psihologii – Questions of Psychology*, 1984, no. 3, pp. 74–86.
 24. Schkryabko I. P. Psihologicheskie osobennosti zhiznennyh strategij, realizuemyh suprugami [Psychological peculiarities of life strategies realized by marital partners]. *Izvestija Taganrogskogo gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta. Tematicheskij vypusk "Psihologija i pedagogika" – News of Taganrog State University of Radio Engineering. Special Issue "Psychology and pedagogics"*, 2006, no. 13 (62), pp. 100–103.
 25. Schumikhina A. V. *Pritjazanija studentov psihologov v svjazi s osobennostjami ih Ja-kontseptsij* [Aspirations of psychological faculty students associated with the peculiarities of their Self-concepts]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Rostov-on-Don, 2009. 201 p.
 26. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N., Obuhova Yu. V. Frustration Features of City Students // *The Social Sciences*, 2015, no. 10 (6), pp. 1443–1448.
- Lavreshina A. Iu., Dikaya L. A.**
Psychological Characteristics and Psychophysiological Correlates of Creativity and Humor
- This article is an analysis of the literature on the psychological and psychophysiological aspects of the creativity and humor relationships. It analyzes the main approaches to the definition of creativity – from point of view its products, processes and mechanisms. The main characteristics of creativity are highlight based on summarizing the content of the several of its definitions. The definitions of creativity and humor are given. Such similarities of creativity and humor as mismatch, surprise and novelty, are noted from a psychological point of view. It is noted the similarity of methods and steps of the generating new and humorous ideas. It is shown that humor and creativity are associated with the destruction of familiar contexts and finding new connections between phenomena.*
- The main approaches to the search of brain correlates of creativity are summarized. The heterogeneity and inconsistency of the results of their study are noted. For example, studies show both right- and left-hemispheric dominance during the creative activity and both the close inter-hemispheric integration and independent functioning of the brain' hemispheres during creating as well.*
- The fragmentation of studies of the neurophysiological correlates of humor is underlined. The results of these studies' summarizing show that the structures and systems underlying of laughter and joy are distributed throughout the brain. We describe the neural pathways, functionally providing the expression of laughter: 1) arbitrary and unemotional, and 2) spontaneous and emotional.*
- The explicit shortage of scientific publications on the brain mechanisms of humor generation, on similarities and differences of brain mechanisms of creativity and humor, is marked; the urgency of such research is substantiated.*
- Based on the performed theoretical analysis, the authors suggest the possibility of the functioning of the neural network, in which the frontal and temporal areas of the brain are involved in the generation of both creativity and humor.*
- The hypothesis, formulated by the authors about the existence as of a common, universal as specific for the creativity and humor of the neurophysiological*

correlates, is waiting for its experimental verification.

Keywords: creativity, humor, psychological mechanisms, innovation, positive emotions, psychophysiological correlates, scientific approaches, creative thinking, insight, brain hemispheres.

REFERENCES

1. Bekhtereva N. P., Nagornova Zh. V. Dinamika kogerentnosti EEG pri vypolnenii zadaniia na neverbal'noi (obraznoi) kreativnost' [Dynamics of EEG coherence while performing tasks on nonverbal (figurative) creativity]. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2007, no. 5, pp. 5–13.
2. Dikaia L. A., Dikii I. S. *Tvorcheskii mozg* [Creative brain]. Rostov-on-Don, Publishing house of SFU, 2015, P. 218.
3. Dikii I. S., Dikaia L. A., Kosovskaia A. S. Rol' kreativnosti i chuvstva iumora v sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studentov [The role of creativity and sense of humor in social and psychological adaptation of students]. *Tvorchestvo: nauka, iskusstvo, zhizn': Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 95-letiiu so dnia rozhdeniia Ia. A. Ponomareva, IP RAN, 24–25 sentiabria, 2015 – Creativity: science, art, life: Materials of All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 95th Anniversary of the birth of Y. A. Ponomarev, IP RAS, September 24–25, 2015*. Moscow, IP RAS Publ., pp. 145–148.
4. Ilyin E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [The psychology of creation, creativity, talent]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, pp. 250–345.
5. Korovkin S. Iu., Nikiforova O. S. Kognitivnye i affektivnye mekhanizmy iumoristicheskoi fasilitatsii resheniia tvorcheskikh zadach [Cognitive and affective mechanisms of humorous facilitation of creative problem solving]. *Jeksperimental'naja psikhologija – Experimental psychology*, 2014, no. 4, pp. 37–51.
6. Kosovskaia A. S., Dikii I. S. Kreativnost' i chuvstvo iumora kak faktory sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studentov [Creativity and sense of humor as factors of social-psychological adaptation of students]. *Psikhologiya XXI veka: rossiiskaia psikhologiya v kontekste mirovoi nauki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh – Psychology of the XXI century: Russian psychology in the context of world science. Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists*. St. Petersburg, Skifia-print, 2016, pp. 109–110.
7. Martin R. *Psihologija iumora* [Psychology of humor]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 480 p.
8. Mateiko A. *Usloviia tvorcheskogo truda* [The conditions of creative labor]. Moscow, Mir Publ., 1970. 300 p.
9. Moliako V. A. *Psikhologiya tvorcheskoi deiatel'nosti* [The psychology of creative activity]. Kiev, Znanie Publ., 1978. 46 p.
10. Musiichuk M. V. Ponimanie implitsitnogo smysla kak osnova kreativnogo mekhanizma iumora [Understanding of the implicit meaning as a basis for creative mechanism of humor]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya – Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2007, V. 5, no. 2, pp. 22–26.
11. Petrushin V. I. *Psikhologiya i pedagogika khudozhestvennogo tvorchestva* [Psychology and pedagogy of artistic creativity]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 496 p.
12. Razumnikova O. M. Osobennosti selektsii informatsii pri kreativnom myshlenii [Peculiarities of information selection during creative thinking]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2009, V. 6, no. 3, pp. 134–161.
13. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 712 p.
14. Savenkov A. I. *Psikhologiya detskoj odarennosti* [Psychology of children's giftedness]. Moscow, Genezis, 2010. 440 p.
15. Chiksentmikhaii M. *Potok: psikhologiya optimal'nogo perezhivaniia* [Flow: the psychology of optimal experience]. Moscow, Alpina Publisher, 2011.
16. Iaroshevskii M. G. *Psikhologiya tvorchestva i tvorchestvo v psikhologii: Iskusstvoznanie i psikhologiya khudozhestvennogo tvorchestva* [The psychology of creativity and creativity in psychology: art history and psychology of artistic creativity]. Moscow, 1988, pp. 31–50.
17. Amir O., Biederman I., Wang Z. & Xu X. Ha Ha! Versus Aha! A direct comparison of humor to nonhumorous insight for determining the

- neural correlates of mirth // *Cerebral Cortex*, 2015, V. 25, no. 5, pp. 1405–1413.
18. Aspinwall L. G., Staudinger U. M. A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology. Washington, DC, American Psychological Association, 2003.
 19. Bartolo A., Benuzzi F., Nocetti L., Baraldi P. & Nichelli P. Humor comprehension and appreciation: an fMRI study // *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2006, V. 18, no. 11, pp. 1789–1798.
 20. Belanger H. G., Kirkpatrick L. A., Derks P. The effects of humor on verbal and imaginal problem solving // *Humor: International Journal of Humor Research*, 1998, V. 11 (1).
 21. Fink A., Neubauer A. C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // *International Journal of Psychophysiology*, 2006, V. 62 (1), pp. 46–53.
 22. Gonen-Yaacovi G., de Souza L. C., Levy R., Urbanski M., Josse G., Volle E. Rostral and caudal prefrontal contribution to creativity: a meta-analysis of functional imaging data // *Frontiers in human neuroscience*, 2013, V. 6 (7), P. 465. doi:10.3389/fnhum.2013.00465
 23. Isen A. M., Daubman K. A., Nowicki G. P. Positive affect facilitates creative problem solving // *Journal of personality and social psychology*, 1987, V. 52 (6), pp. 1122–1131.
 24. Jung R. E., Mead B. S., Carrasco J., Flores R. A. The structure of creative cognition in the human brain // *Frontiers in human neuroscience*, 2013, V. 7, P. 330. doi:10.3389/fnhum.2013.00330
 25. Koestler A. *The act of creation*. London, Hutchinson, 1964.
 26. Kounios J., Beeman M. The cognitive neuroscience of insight // *Psychology*, 2014, V. 65 (1), P. 71. doi:10.1146/annurev-psych-010213-115154
 27. Prerost F. J. Humor as an intervention strategy // *The use of humor in psychotherapy*, 1994, pp. 139–148.
 28. Roedelein J. E. *The psychology of humor: A reference guide and annotated bibliography*. Westport, CT, Greenwood Press, 2002.
 29. Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M. Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*, 2000, V. 55 (1), pp. 5–14.
 30. Taylor C. W. *Creativity: Progress and potential*. N. Y., McGraw-Hill, 1964, 178 p.
 31. Torrance E. P. *Torrance tests of creative thinking*. Princeton, NJ, Personnel Press, 1966.
 32. Wallis G. *The art of thought*. N. Y., 1926.
 33. Wild B., Rodden F. A., Grodd W., Ruch W. Neural correlates of laughter and humour // *Brain*, 2003, no. 126, pp. 2121–2138.

Yatsyk G. G.

Revisiting the Study of Human's Oculomotor Behaviour in the Situation of Important Information' Concealing

The article discusses the main problems of modern researches in the field of eye tracking. Today there are a large amount of researches devoted to the study of various psychological phenomena and mechanisms by tracking the eye movements of the subjects. This method is the most popular in researches devoted to the problems of reading and thinking, and recently the researches in the field of detection of deception using eye-tracker began to develop intensively.

The method of instrumental detection of concealing information using the polygraph is well established and currently is actively used in solving the most complex problems related to the study of memory activity of subjects. This article draws attention to the development of the most promising vectors of eye-tracking method in the field of detection of concealing information, and identifies the main reasons of the importance of research in the field of individual differences in this area.

One of the most promising, but practically unexplored areas is the analyzing of eye movements in a free visual-spatial view. In this article the topicality of this direction is discussed, reviewed the few studies that focus on the study of the research problem, and also discusses adjacent research areas, which achievements can contribute to the development of researches in the field of free visual-spatial view.

Today, the question about the features and use of the polygraph and eye-tracker for detection of concealing information remains current interest. Our review shows the principal possibility of the use of eye tracking to detect deceptive subjects, as well as discussed the unique advantages that this method has.

Keywords: eye-tracking, lie detection, eye movements, oculomotor behavior, eye-tracker, individual features, attention, psychodiagnostics, instrumental lie detection, gaze tracking.

REFERENCES

1. Barabanshikov V. A., Zhegallo A. V. Metody registratsii dvizhenij glaz: teoriya i praktika [Registration methods of eye movements: theory and practice]. *Elektronnyy zhurnal "Psixologicheskaya nauka i obrazovanie" – Electronic Journal "Psychological Science and Education"*, 2010, no. 5, URL: www.psyedu.ru
2. Barabanshikov V. A., Zhegallo A. V. Registratsiya i analiz napravlenosti vzora cheloveka [Registration and analysis of human's gaze direction]. Moscow, IP RAS Publ., 2013. 316 p.
3. Belopolsky V. I. Vzor cheloveka: mehanizmy, modeli, funktsii [Human's gaze: mechanisms, models, functions]. Moscow, 2007. 415 p.
4. Venerina O. G., Puchkova A. N. etc. Perspektivnye metody instrumentalnoj psihodiagnostiki v otsenke dostovernosti informatsii [Perspective methods of instrumental psychodiagnostics in the assessment of the reliability of information]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta im. M. A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya – Bulletin of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Pedagogy and psychology*, 2015, no. 2, pp. 78–84.
5. Ermakov P. N., Vorobyeva E. V., Yatsyk G. G. Individualnye osobennosti stressornogo reaktivirovaniya vo vremya psihofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniem poligrafa [Individual features of the stress responses during a psychophysiological research using polygraph]. *Rossiyskiy psihologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 2. (in press)
6. Ermin D. A., Struzhenko E. Y., Pimenov V. I. Tehnologiya ajtreking. Metodika provedeniya issledovaniya [Eye-tracking technology. The methodology of providing the research]. *Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennyykh tekhnologiy i dizayna – Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design*, 2015, V. 4, no. 39, pp. 49–55.
7. Ivanov R. S. Individualniy simptomokompleks kak instrument interpretatsii rezultatov psihofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniem poligrafa [Individual symptom complex as a tool for interpreting the results of psychophysiological research using polygraph]. *Natsionalnyy psihologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 3 (15), pp. 90–97.
8. Kuznetsov D. A., Vorobyeva E. V. K voprosu ob ispolzovanii metoda analiza elektricheskoy aktivnosti mozga v sfere detektsii lzhi [Revisiting the use of the method of analysis of brain electrical activity in the field of lie detection]. *Lichnost v sovremenom obshchestve: socializatsiya, povedenie, obshenie. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (19–20 apr., 2007 g.) – Personality in modern society: socialization, behavior, communication. Materials of the All-Russian Scientific Conference (April, 19–20, 2007)*. Chita, 2007, pp. 155–158.
9. Ognev A. S., Venerina O. G., Vinogradova I. A. Novye psihodiagnosticheskie vozmozhnosti trekinga glaz [New psychodiagnostical opportunities of eye-tracking]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya. – Bulletin of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Pedagogy and psychology*, 2012, no. 3, pp. 107–112.
10. Ognev A. S., Likhacheva E. V., Melnikova D. V. Perspektivy ispolzovaniya mnogopolarnykh semanticheskikh differentsialov v aytrenkinge [Perspectives for the using of multi-polar semantic differentials in eye-tracking]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya – Successes of Modern Natural History*, 2015, no. 1–5, pp. 858–862.
11. Kholodny Y. I. Opros s ispolzovaniem poligrafa i ego estestvennonauchnye osnovy [Interrogation using polygraph and its natural-science basics]. *Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Criminalistics*, 2005, no. 1 (13), pp. 39–48.
12. Assaf D., Israeli N., Neuman Y. Identifying the location of a concealed object through unintentional eye movements // *Front. Psychol.*, 2015.
13. Backasch B., Dowiasch S. Eye movements of patients with schizophrenia in a natural environment // *Eur. Arch. Psychiatry Clin. Neurosci.*, 2016, 266:43, 54.

14. Bradley M., Hanna D. et al. Obsessive compulsive symptoms and attentional bias: An eye-tracking methodology // *J. Behav. Ther. & Exp. Psychiat.*, 2016, 50, pp. 303–308.
15. Cook A. E., Hacker D. J. Lying Eyes: Ocular-Motor Measures of Reading Reveal Deception // *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2012, 18 (3), pp. 301–313.
16. Farwell L. A., Donchin E. The truth will out: interrogative polygraphy (“lie detection”) with event-related brain potentials // *Psychophysiology*, 1991, no. 28, pp. 531–547.
17. Feifel D., Farber R. et al. Inhibitory Deficits in Ocular Motor Behavior in Adults with Attention Deficit / Hyperactivity Disorder // *Biological Psychiatry*, 2004, V. 56, I. 5, pp. 333–339.
18. Go-eun K., Bomyi J., Jang-Han L. Attention pattern changes to threatening crime information: an eye-tracking study with deceptive individuals // *Journal of the Korean Data Analysis Society*, 2014, V. 16, no. 3 (A), pp. 1181–1193.
19. Meeter M., Van der Stigchel S., Theeuwes J. A competitive integration model of exogenous and endogenous eye movements // *Biol. Cybern.*, 2010, 102 (4), pp. 271–291.
20. Min-Suk Kang, Woodman G. F. The neurophysiological index of visual working memory maintenance is not due to load dependent eye movements // *Neuropsychologia*, 2014, 56, pp. 63–72.
21. Rosenfeld J. P. et al. A modified, event-related potential-based guilty knowledge test // *Int. J. Neurosci.*, 1988, 24, pp. 157–161.
22. Schwedes C., Wentura D. The revealing glance: Eye gaze behavior to concealed information // *Mem Cognit.*, 2012, 40 (4), pp. 642–651.
23. Seymour T. L., Baker Ch. A., Gaunt J. T. Combining blink, pupil, and response time measures in a concealed knowledge test // *Frontiers in Psychology*, 2012, no. 3, P. 614.
24. Vabalas A. & Freeth M. Brief Report: Patterns of Eye Movements in Face to Face Conversation are Associated with Autistic Traits: Evidence from a Student Sample // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2015, 46 (1), pp. 305–314.

НАШИ АВТОРЫ

Гаврилова Анна Валерьевна

ассистент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11645)

E-mail: anichka01@rambler.ru

Иванова Александра Викторовна

аспирант кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11625)

E-mail: sasha-vano@rambler.ru

Юшко Максим Андреевич

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11616)

E-mail: maksimyshko@mail.ru

Атаманенко Елена Сергеевна

аспирант кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11625)

E-mail: helenatam@mail.ru

Ким Алина Эдуардовна

аспирант кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11625)

E-mail: kim.alina.ed@yandex.ru

OUR AUTHORS

Gavrilova Anna Valeryevna

Assistant of the Psychology of Education Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11645)

E-mail: anichka01@rambler.ru

Ivanova Alexandra Viktorovna

Postgraduate Student of Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11625)

E-mail: sasha-vano@rambler.ru

Yusko Maksim Andreevich

Postgraduate Student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11616)

E-mail: maksimyshko@mail.ru

Atamanenko Elena Sergeevna

Postgraduate Student of Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11625)

E-mail: helenatam@mail.ru

Kim Alina Eduardovna

Postgraduate Student of Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11625)

E-mail: kim.alina.ed@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

Лаврешина Анастасия Юрьевна

аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)
E-mail: nat-lavreshina@yandex.ru

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)
E-mail: dikaya@sfedu.ru

Яцык Геннадий Геннадьевич

аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)
E-mail: oxiefree@mail.ru

OUR AUTHORS

Lavreshina Anastasiya Iuryevna

Postgraduate Student of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)
E-mail: nat-lavreshina@yandex.ru

Dikaya Liudmila Alexandrovna

Associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)
E-mail: dikaya@sfedu.ru

Yatsyk Gennady Gennadievich

Postgraduate of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)
E-mail: oxiefree@mail.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 518, редакция
Тел. +7 (863) 218-40-00 (доб. 11637); e-mail: rpj@bk.ru